

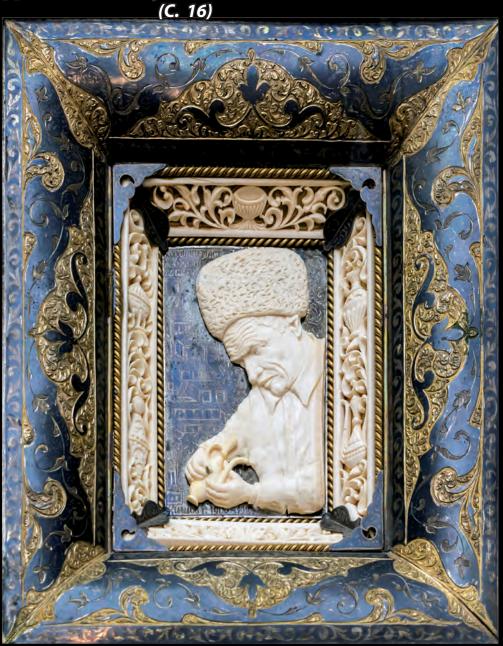
Наша работа происходит в голове, никаких лабораторий, никаких приборов. (С. 4)

Это единственный дагестанский лагерь, в котором есть школа. (С. 9)

JAIECTAF

Династия из Кубачи (С. 16) №6 (129) ИЮНЬ 2016

Его астролябические приборы сохранились и находятся в Дагестанском краеведческом музее. (С. 13)

«Хороший мастер богатым не будет». *(С. 16)*

Ишаки здесь по численности на первом месте. На втором – старушки. (С. 20)

Но более всего запомнилась встреча с коалами. (С. 23)

Борис действительно попал в плен, но выдал себя за мусульманина. (С. 31)

Время научило меня разговаривать с мертвыми. (С. 35)

Колонка редактора

А кинжал для чего?..

Был знойный август 1986 года. Я в ту пору был шестиклассником. К отцу пришли двое гостей, направлявшихся в Белоканы. Отец быстро организовал более чем скромный стол – положил хлеб, сыр, сушеное мясо и еще что-то. Естественно, чтобы компенсировать скудную трапезу, графин кахетинского тоже поставил – такие были времена. Гости перекусили, по рюмочке пропустили, и пошел разговор об общих знакомых, какой обычно бывает у малознакомых людей. Я в соседней комнате через приоткрытую дверь подслушивал их разговор. Была такая слабость в детстве – подслушивать старших, – хотя за это не раз наказывали.

Один из кунаков, был он небольшого роста, поднял бокал и долго говорил, какой замечательный человек мой отец и как его везде уважают. Говорил этот человек с хрипотцой и очень тихо, из-за чего трудно было уловить смысл слов, кроме отдельных фраз. Другой кунак – сухощавый, высокий – был шумный, веселый и открытый человек. Скажет отец что-нибудь, тот заходится смехом – аж дом дрожал. Смех был громкий, заразительный.

Гости дали понять отцу, что на ночевку они не останутся, и пока не стемнело, хотят перейти перевал и спуститься в Белоканы. Видно было, что отец чувствует себя неловко, – мамы дома не было и гостей пришлось потчевать всухомятку. Желая как бы выправить положение, отец начал рассказывать:

– Как-то к одному горцу в гости пришли путники. Он, как и положено по закону гор, посадил их у очага и решил угостить тем, что у него было. Положил перед ними два панкъа (тонкую лепешку), воду и насыпал ще-

потку соли – больше нечем было угостить кунаков. Когда гости приступили к трапезе, горец неожиданно встал и положил рядом с лепешками большой кинжал. Путники были в недоумении: кинжалом здесь резать нечего – на столе нет ни мяса, ни сыра. Они были в раздумьях: для чего хозяин положил возле тонкой лепешки и соли кинжал? Поев и поблагодарив Аллаха и горца, который их угостил, путники собрались уходить. Перед расставанием один из них спросил:

- Скажи, добрый человек, для чего ты к лепешкам положил перед нами кинжал? Что это означает?
- Bax! воскликнул горец. Если б я знал, что вы настолько недалекие люди, я бы вам и панкъ с солью не подал. Неужели не поняли?
 - Нет, одновременно ответили путники.
- Это ведь древний обычай: если в доме гость за столом, рядом с едой должен лежать кинжал. Если я пожалею для кунака то, что имею дома, гость вправе ударить меня кинжалом. Если ж гость возгордится и отвернет нос от угощения, хозяин вправе наказать кунака кинжалом. То же и для нашего стола не хватало кинжала ... завершил свой рассказ отец.

Гостям понравился древний обычай: шумный долго смеялся, а толстый что-то увлеченно рассказывал отцу. С закатом солнца мы с отцом проводили гостей до края аула, они сели на лошадей и направились в ЦІор. Я, с утра ничего не евший, жадно набросился на оставшуюся после гостей еду. Когда мать вернулась с сенокоса, почти стемнело, ей предстояло еще готовить ужин мужчинам...

Магомед Бисавалиев

№6(129) июнь 2016 г.

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ Министерство печати и информации РД

> ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Магомед АЛИЕВ М.И.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор) 67-02-08 (отделы) http://journaldag.ru E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040 КПП 057201001 УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала P/C 40601810100001000001, БИК 048209001 Назначение платежа:

13500000000000000130 (л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии 000 «Издательство «Лотос».

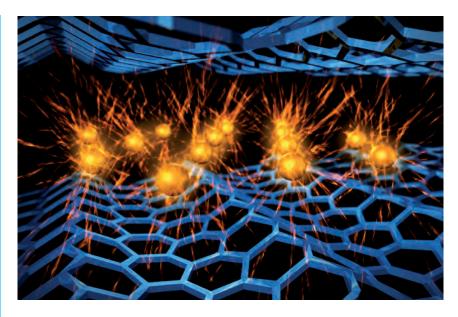
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 5. Тираж – 1500 экз. Номер заказа -Дата выхода –

Подписной индекс на год - 63280, на полугодие - 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей - свободная.

Содержание номера:

Андрей Меламедов

«Когда задача не хочет решаться, я буквально болею»

C. 4

Наида Хаспулатова

Солнечный берег Ċ. 9

Магомед Абдуллаев

Зейд из Куркли С. 13

Влада Бесараб

Династия из Кубачи С. 16

Владимир Севриновский

Новруз

C. 20

Магомед-Расул

Глупая, но счастливая

C. 23

Марьям Кабашилова

Здесь когда-то жили поэты

C. 29

Чингиз Абдуллаев

История одной свадьбы

C. 31

Герман Садулаев

День,

когда звонишь мертвым

C. 35

Андрей Меламедов

«КОГДА ЗАДАЧА НЕ ХОЧЕТ РЕШАТЬСЯ, Я БУКВАЛЬНО БОЛЕЮ»

Уникальный специалист, способный кайфовать в течение всего рабочего дня, включая перерыв. Могу трудиться в таком режиме сутками. Не нуждаюсь в рабочем месте и могу вообще не появляться в офисе. Готов рассмотреть предложение солидных институтов, заинтересованных в работниках моей квалификации».

Примерно такое резюме мог бы разместить в интернете Заур Алисултанов, если бы вдруг решил озаботиться поисками работы. Самое смешное, что при этом он бы совсем не слукавил, потому что работа для него — это наркотик, в отсутствие которого он начинает испытывать настоящую ломку. Может быть, именно поэтому ему все дается удивительно легко — докторскую диссертацию, к примеру, он защитил в 27 лет, сразу заявив о себе, как о крупном специалисте по графену.

Он уверяет, что живет по Конфуцию, который как-то сказал: «Найдите себе дело по душе, и вам никогда не придется работать». Поэтому, когда родные и друзья сочувствуют ему из-за того, что он зачастую работает сутками, забывая об отдыхе и сне, он в душе смеется. Какая усталость, какая нагрузка, когда он по-настоящему кайфует только тогда, когда работает, решает какую-нибудь задачу, пытаясь нащупать дорогу там, где до него никто не бывал.

- Заур, трудоголики с элементами фанатизма редко бывают компанейскими людьми и всеобщими любимцами. Скажи, в общении вне работы ты человек скучный?
- Не думал об этом. Наверное, нет. Хотя, если честно... Когда занят решением какой-то задачи, я в любой компании думаю только о своем и, бывает, отвечаю невпопад. В такие моменты, да, я скучный человек. Когда задача никак не хочет решаться, и я буквально болею от того, что работа не клеится, все идет не так, я, безусловно, человек скучный. И вдобавок раздраженный. Знаю, что в итоге все получится, – всегда получалось, но, тем не менее, впадаю в депрессию с бессонницей, плохим самочувствием, натянутыми до предела нервами. Зато когда все, наконец, срослось, и я добился результата, я самый добрый, самый веселый, самый остроумный, самый компанейский. В такие периоды я всегда стараюсь почаще встречаться с друзьями, чтобы поделиться с ними своей радостью.
 - О чем вы говорите при встречах?

- Да обо всем. О политике, хотя я к ней отношусь крайне отрицательно. Не хочешь, а отвлекаешься от работы, вынужден читать какието статьи, которые тебя зацепили. О религии говорим, о том, что происходит в республике, стране. Иногда ребята, посмотрев очередной фантастический блокбастер, пытают меня, как увиденное соотносится с научной теорией.
- Среди физиков очень высок процент атеистов. Ты верующий человек?
 - Верующий, но не религиозный.
 - Считаешь себя везучим?
- Безусловно. Мне ничего не помешало заниматься наукой. Некоторые сходят с дистанции из-за проблем со здоровьем, отсутствия денег. Я знаком с очень многими людьми, которые из-за бытовых проблем так и не сумели реализовать свой потенциал.
 - У тебя состоятельные родители?
- Вовсе нет. Отец учитель труда в школе, мама домохозяйка. Мне просто повезло, что уже на третьем курсе я начал самостоятельно

зарабатывать. Так получилось, что меня пригласили работать в компанию «Русская радиоэлектроника», которая по существу была конструкторским бюро при избербашском радиозаводе имени Плешакова. На тот момент это

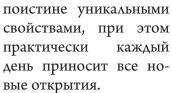
был уникальный коллектив, с прекрасной технической базой – один из лучших в России. Я сразу же разработал антенну с интересными характеристиками, что дало мне определенную свободу и доступ к более серьезным задачам. А кроме того у меня появилась возможность постоянно работать на очень хорошем (даже по современным меркам) компьютере, что, несомненно, очень помогло мне в учебе и в самообразовании.

- С аспирантурой тоже повезло?
- Ежегодно в ДГУ на госэкзамены и защиту

дипломных работ приезжают известные физики из ведущих научных институтов страны. После защиты моей дипломной «Двухмерные квантовые точки» мне предложили аспирантуру в Институте физики имени Прохорова Российской академии наук. Так что да, повезло.

- В аспирантуре, насколько я знаю, ты начал заниматься графеном. Это было предложение научного руководителя или собственный выбор?
- Это тоже, наверное, везение до сих пор мне никто тем для исследования не предлагал, все, чем я занимался и занимаюсь, это исключительно мой выбор.
- После Нобелевской премии Новоселова и Гейма графен стал, пожалуй, самой «модной» темой среди физиков-теоретиков. Неужели след обычного простого карандаша способен вдохновить на поиски сотни ученых по всему миру?
- След от карандаша не очень точное определение. Он ведь неоднородный по толщине,

а графен – это слой графита, толщиной в один атом. Это очень прочный материал, связи между атомами в котором крепче, чем в другом природном углероде – алмазе. Но даже это не главное. Оказалось, что этот материал обладает

- Ты, как я понимаю, тоже внес свою лепту. Если можно, расскажи о том, что графен открыл именно тебе. Только помни, что не все читатели нашего журнала в детстве добросовестно изучали физику.
- Я доказал, что «грязное можно сделать чистым, не занимаясь удалением грязи». Оказалось, что графен с вкраплением чужеродных атомов можно очистить очень просто
- достаточно приложить к нему поперечное электрическое поле. Это дало мне возможность предложить первую модель графенового светодиода.
- Физики-теоретики иногда «нисходят» до создания изделий, которые, грубо говоря, можно продать?
- В принципе нет. Мы в основном предсказываем новые эффекты, генерируем теории и объясняем необъясняемые эксперименты. Я только доказал, что такой светодиод в принципе будет работать, заниматься же его созданием я точно не буду, это не мое.
- А я, было, подумал, что первый патент у тебя в кармане, и ты отныне можешь заниматься чистой наукой, не задумываясь о хлебе насущном.
- Увы, теоретики на патентах не зарабатывают, хотя без нас большинство высокотехнологичных изделий попросту не было бы создано. Да, мы можем получить гранты, я, к примеру, выиграл их больше десятка. Премии еще некоторые

из нас получают, в том числе и Нобелевские. Что же касается дивидендов от практического использования наших открытий, с этим, увы,

напряженка. Наша работа происходит в голове, никаких лабораторий, никаких приборов. В принципе я мог бы работать в любом отдаленном селении – только были бы под рукой интернет, блокнот и карандаш.

— Интер-

– Интернет для поиска и изучения интересующих науч ных работ?

– Не только. Я, к примеру,

очень много времени провожу в фейсбуке, общаясь с коллегами из разных стран. В Дагестане ведь с физиками-теоретиками напряженка. Раньше был Руслан Мейланов – руководитель моей дипломной работы, теперь остался Агалар Агаларов - ведущий сотрудник Института физики. Но без общения, без ощущения вокруг себя полноценной научной среды заниматься серьезными исследованиями нереально. Поэтому регулярно общаюсь с коллегами в фейсбуке, по скайпу (зачастую без живого общения некоторые моменты прояснить невозможно). Результатом этого, как правило, становятся совместные работы, публикуемые в самых престижных научных журналах мира. В последнее время я опубликовал несколько серьезных статей в соавторстве с коллегами из Бразилии, Италии, Голландии. Сейчас, к примеру, решаю очень интересную задачу вместе с бывшим россиянином, который вот уже 15 лет живет в Голландии, Михаилом Кацнельсоном.

– Мы немного отвлеклись. Ты начал рассказывать о своих работах по графену.

– Хорошо, продолжим. Как известно, графен – это металл, прекрасно проводящий ток. Но я доказал, что если двухслойный графен поместить в поперечное электрическое поле, он сразу же превращается в диэлектрик. Но этого мало. В отличие от традиционных диэлектриков (пластмассы, фарфора и т.д.) он при этом проявляет свойства диамагнетиков.

– У меня в школе был не очень хороший учитель физики...

- Диамагнетики – это такие металлы, как медь, алюминий, олово. Они не притягиваются магнитом, а, наоборот, отталкиваются от него. Сочетание

Сочетание свойств диамагнетика и диэлектрика поистине уникально.

- А практическое применение? Извини, но я человек достаточно приземленный.

– Это фундаментальный результат. Говорить о его практическом применении пока рано, я

лично даже не представляю, в каком изделии эти свойства графена окажутся востребованными. А вот следующее мое открытие, связанное с изменением электропроводности графена, помещенного в магнитное поле, уверен, вскоре воплотится в реальные приборы. Кстати, такое изменение электропроводности демонстрируют все магнитные материалы, на этом эффекте основана работа современных датчиков магнитных полей. Но графен ведь диамагнетик, а кроме того демонстрирует изменения электропроводности на порядки выше. Значит, те же датчики магнитных полей будут сверхчувствительными. Кроме того этот эффект можно будет использовать при создании медицинских приборов, считывания информации с жестких дисков.

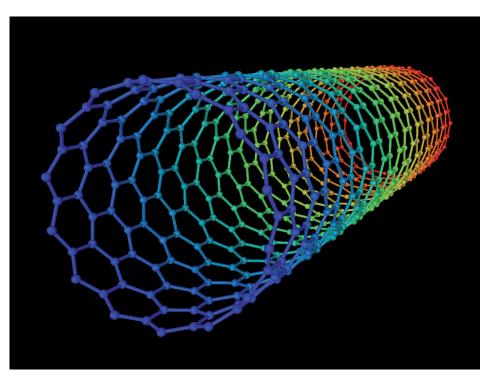
– Ты хочешь сказать, что узнал о свойствах графена так много, не проведя ни одного опыта, а просто размышляя?

- Все теоретики работают именно так. Все их «лаборатории» находятся исключительно в головах.
- A как выяснить, ошибается теоретик или нет?
- Это дело практиков, иногда верность некоторых теорий доказывается уже после смерти их авторов. Иногда в ходе практических исследований фундаментальные исследования дополняются и уточняются. Те же Новоселов и

Гейм получили Нобелевскую премию не только за описание свойств графена – помимо этого им удалось уточнить знаменитую теорему Ландау, отрицающую возможность существования достаточно больших двухмерных кристаллов.

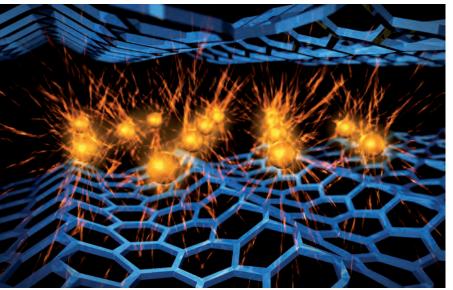
Сейчас объясню. О графене ученые знали еще в начале прошлого века, но никто им не занимался, поскольку Ландау доказал, что создать двухмерный кристалл невозможно – он сразу свернется. Никто поэтому кристаллы из графена создавать не пробовал, а эти двое попробовали, и оказались победителями.

- Теорема Ландау оказалась неверна?
- Нет, Ландау не ошибся, просто его теорема описывала идеальные системы. А в мире, как известно, ничего идеального нет.
- Ты и дальше планируешь заниматься графеном?
- В последнее время меня заинтересовали топологические диэлектрики. Это вещества, поверхность которых металл, а в объеме они демонстрируют свойства диэлектриков. Меня этот эффект очень заинтересовал. Скорее всего, буду этим заниматься.
- Вернемся на землю. Среди твоих родственников есть ученые?
- Нет. Есть хорошие мастера, строители, врачи есть. А вот математиков или физиков до меня не было, я пока один такой.
- Ты читаешь что-нибудь кроме технической литературы?
- Будете смеяться недавно перечитал «Капитанскую дочку». В школе все, что мы изучали, казалось мне скучным и неинтересным. А тут начал читать, и не смог оторваться. Сейчас читаю «Идиота», и тоже получаю огромное наслаждение. Но самое большое впечатление, конечно, от «Мастера и Маргариты», эта книга меня буквально потрясла. Но больше всего я люблю читать биографии видных ученых, переживая вместе с ними все нюансы их работы над проблемами, которые позже вошли в историю науки.
- Приходилось слышать мнение, что сегодня наукой заниматься легче, чем, скажем, сто,

двести лет назад. Прежде всего из-за доступности информации, того же интернета.

- Я тоже частенько слышу нечто подобное. При этом, как правило, вспоминают времена, когда поиск нужной книги превращался в неразрешимую проблему. По моему мнению, у каждого времени свои вызовы, свои трудности, свои проблемы. В этом плане, считаю, ничего не меняется. Да, сегодня научная информация стала предельно доступной. Но при этом ее объем увеличился на пару порядков. Прочитать все новые работы по физике практически нереально, времени не хватит. Тут по своей очень узкой тематике обо всем новом читать не успеваешь, громадный массив исследований. Так что очевидные, на первый взгляд, плюсы зачастую оборачиваются минусами. Поэтому, уверен, что от времени, в котором тебе довелось жить, практически ничего не зависит. И сегодня, как и тысячу лет назад, все определяется внутренним потенциалом человека.
- Немного об этом самом потенциале. Есть ученые, посвятившие науке всю свою жизнь без остатка, но не сумевшие оставить в ней сколь-нибудь заметного следа. Все дело в таланте?
- Есть люди, способные решать научные задачи любой сложности, но при этом сами они своих задач генерировать не могут – идейный аппарат не работает. Встречал также ученых, способных генерировать очень интересные

задачи, но абсолютно не способных их решать. Открытия же случаются тогда, когда все «срастается» – работа идейного аппарата и умение работать, решать задачи, доводить дело до логического конца. Наверное, это сочетание качеств и можно назвать талантом.

- Не мешают в работе интриги коллег, без которых, говорят, не обходится даже в самых благополучных коллективах? Возраст у тебя больно провокационный...
- Интриги, безусловно, имеют место. Как же без них?! У меня есть друг, профессор из Питера, которому 70 лет. Так вот он в свое время дал мне оружие против всех возможных интриг. «Главное, объяснил он мне, мимо проходить, брезгливо сплевывая».
 - Пару слов об уровне нынешних студентов.
- Увы, думающих ребят, горящих желанием заниматься наукой, с каждым годом становится все меньше. Но, так получилось, что мне просто нравится преподавать. Я каждый раз играю в игру сам с собой представляю, что выступаю перед высококлассными специалистами, перед которыми стыдно ударить в грязь лицом. Кроме того, преподавание дает возможность постоянно повторять материал, поддерживать себя в форме.
- Ты сказал, что не любишь политику. Тебе не нравится то, что сегодня происходит в стране?
- Нормальному человеку происходящее в России нравиться не может. Я не буду залазить в дебри, просто скажу о состоянии нашей науки. Во время защиты моей диссертации в Институ-

те имени Прохорова солидные ученые, многие из которых в возрасте, вынуждены были подниматься в зал защиты пешком – лифты в институте отключили из экономии. Такая же ситуация в Махачкале, в нашем Институте физики. Директор института вынужден был отключить лифты, отказаться от половины телефонных номеров, и свести к минимуму парк служебного транспорта. Попросту говоря, служебных машин в институте практически не осталось. Все это сделано для того, чтобы хотя бы немного денег осталось на науку.

Сегодня много говорится о том, что мы

должны догнать Запад, не отстать в технологической войне. И при этом бюджет всей Российской академии наук, в структуру которой входят более 400 институтов, составляет \$1,5 млрд. Тогда как бюджет одного только Гарварда — \$ 40 млрд. Самое печальное, что при этом наш нищенский бюджет ежегодно сокращается на 10%. О каких научных прорывах можно говорить на этом фоне, какие глобальные проблемы можно решить на эти деньги?

- А Сколково, РОСНАНО?
- Лохотрон. Там нет никакой науки. Это, по существу, черные дыры для бюджетных денег, которые, в конечном счете, оседают в карманах чиновников. Федеральное агентство научных организаций России возглавляет Михаил Котюков. Вопреки ожиданиям, этот человек к науке никакого отношения не имеет, он по профессии финансист. И именно он решает, какими задачами должны сегодня заниматься российские ученые. Так быть не должно, это ненормально.
- Не возникает желание бросить все и уехать из страны?
 - Возникает и очень часто.
 - Ждешь выгодных предложений?
- Предложений и сегодня хватает, можно хоть завтра идти оформлять документы. Тут вот какое дело. Для меня важно ощущение внутреннего комфорта. Я очень привыкаю к месту, страшно не люблю что-то менять. Кроме того, я хочу иметь возможность регулярно встречаться с друзьями, навещать родственников, бывать в родном Касумкенте. Но даже несмотря на все это, если ситуация в российской науке и дальше будет ухудшаться, видимо, придется всерьез подумать об эмиграции.

Наида Хаспулатова

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ

Золотые пески избербашского взморья встречают нас детским гомоном и смехом. Сотни детей снуют между цветов и пышных деревьев, между морем, бассейном, спортивным полем. В Дагестане больше 50 детских лагерей на любой вкус – на море, в горах, в лесах. Но «Солнечный берег» единственный в своем

роде — это не просто лагерь, а республиканский детский оздоровительнообразовательный центр. Классический приморский лагерь, построенный ещё в 60-е годы, в 2009 году сделали круглогодичным — по типу знаменитых детских здравниц «Артек» и «Орленок», так как он использовался всего три месяца в году. Сейчас здесь за год отдыхают 2 500 школьников. Фактически для всех эти дни у моря стали незабываемым воспоминанием. И уезжают дети отсюда со жгучим желанием вернуться еще раз.

Пока купаться еще холодно, но Расул Адилгереев из Хасавюрта в восторге: «Ни один день, проведенный здесь, не похож на предыдущий. Каждый раз наши вожатые придумывают для нас интересные и познавательные развлечения. Мы часто ходим на берег моря, карабкаемся на гору. Побывали в самом древнем городе Дербенте, увидели многовековые здания, необычайную крепость Нарын-кала. По вечерам дискотека, «огонек». Мне больше нравятся «огоньки». В комнате выключают свет, зажигаются свечи, и в полумраке нам рассказывают легенды».

Рамизу Мисриханову из Курахского района больше всего нравится спортивный дух лагеря: «Мы весь день занимаемся спортом – футбол, волейбол, плавание в огромном бассейне,

проводятся разные соревнования между отрядами. Раньше я никогда так тесно не общался со своими ровесниками других наций. Здесь мы все очень подружились, и, мне кажется, на всю жизнь, будем созваниваться, переписываться».

Интереснее здесь, конечно, активным детям, каждый находит занятие по своим интересам.

Диана Магомедова из Махачкалы с удовольствием рассказывает: «Я выступала в каждом конкурсе. Никогда не забуду, как я танцевала африканский танец на открытии, как пела джаз впервые в жизни со сцены».

Это единственный дагестанский лагерь, в котором есть школа, – чтобы дети не отрывались от учебного процесса. Пришлось выделить под нее один из спальных корпусов. По национальному проекту «Образование» получили оборудо-

вание для предметных кабинетов. Учителя тут опытные, но работать им сложнее, чем в обычных школах – ведь ученики к ним попадают всего на месяц, да и родителей нет рядом – некому пожаловаться на непослушного ребенка.

Завуч Залимхан Исаков рассказывает, что с сентября по май ежемесячно через школу центра проходит по 200 детей. «Мы работаем по тем же базовым учебным программам, как и школы. Единственное отличие – к нам попадают и сельские и городские дети; кто-то опережает, кто-то отстает - находим золотую середину. Трудно то, что учим их всего месяц, учителя не успевают увидеть результаты своего труда. Но, тем не менее, дети получают хороший оздоровительный эффект и учатся. Учителя не только дают уроки. Все развлекательные мероприятия классные руководители проводят вместе с вожатыми. Дети бывают в восторге от нашего центра, и уезжают отсюда со слезами, потому что не хотят расставаться. Те, кто побывал у нас хотя бы один раз, хотят попасть еще и еще. К сожалению, возможности ограничены. Летом принимаем до 250 человек - больше возможности не позволяют».

Сейчас лето, учиться не нужно, но дни в центре стали только насыщенней. В свое время лагерь построили на одном из лучших пляжей дагестанского берега Каспия. Купаться в теплом ласковом море воспитанников в пляжный сезон приводят по два раза в день, под неусыпным контролем воспитателей и спасателей. Каждую летнюю смену обязательно устраивают день Нептуна с конкурсом русалок. На территории центра больше свободы, да и развлечений. Весь день расписан – конкурсы, викторины, тренинги.

Красочный, оригинальной формы открытый бассейн – самый большой на Северном Кавказе. В нем дети любят купаться даже больше, чем на море. Есть современный большой стадион, футбольное поле и тренажерный зал с целой командой тренеров. И все эти развлечения – среди зеленых деревьев и ярких цветов. Причем такая пышная растительность досталась непросто. Как знают все жители каспийского побережья, земля около моря песчаная, невзрачная, на ней естественным путем растет только редкая трава. Но на территории центра сейчас более 120 видов растений со всех континентов - садовники их специально подобрали так, чтобы цветы радовали глаз почти круглый год – с марта по декабрь.

Учредителем «Солнечного берега» является министерство образования РД. Они всегда поддерживали планы развития центра, сделали его площадкой многих крупных событий. Несколько лет назад на территории центра установили большой навес с аппаратурой. Здесь проводится немало республиканских мероприятий. Полмесяца в конце мая и начале июня здесь жили наблюдатели за ЕГЭ, прибывшие из других российских регионов. Именно под этим навесом им проводили тренинги, обсуждали прошедшие экзамены.

Как говорит заместитель министра образования Дагестана Ширали Алиев, «Солнечный берег» стал большим помощником министерства. На его базе проходят сборы одаренных детей, которых готовят к олимпиадам, проводятся предметные школы по математике, биологии, химии.

«Это учреждение бывает задействовано по всем направлени-

Магомед Асхабалиев

ям. Коллектив реализует не только свои прямые полномочия, но и помогает министерству в повышении квалификации учителей. Специалисты, которые приезжают сюда для преподавания на предметных образовательных курсах, проводят семинары для учителей. Этот единственный в Дагестане образовательный центр один из лидирующих в СКФО, и он образцовый. И сама природа и ландшафт располагают к тому, чтобы дети чувствовали себя здесь комфортно и

одновременно занимались делом. Желающих сюда попасть бывает очень много, поэтому приоритет мы отдаем в первую очередь детям из социально неблагополучных семей, сиротам и во вторую очередь – победителям конкурсов и олимпиад. Фактически все довольны и просятся сюда еще и еще», – рассказывает Ширали Алиев.

Магомед Асхабалиев стал директором лагеря в 2008 году. Именно он решил и достаточно быстро реализовал идею преобразования лагеря летнего отдыха в круглогодичный центр. Сделать ему за эти годы удалось многое. Дети с удовольствием начинают день с утренней зарядки, потом – спортивные мероприятия, эстафеты, качественное пятиразовое питание. Вечером дискотека или просмотр фильмов. Помимо

этого, лагерь стал местом проведения многих республиканских мероприятий.

«Каждый год здесь проводятся республиканские олимпиады по информатике и по математике. Центр стал и постоянным местом проведения молодежных собраний. Специально для них построили большой навес с аппаратурой и подиумом и спальный корпус гостиничного

типа, где могут поселиться и родители, которые хотят быть рядом со своими отдыхающими детьми. Именно здесь уже несколько лет подряд проходят международный межрелигиозный молодежный форум, форум межрегиональный сельской молодежи, заседания благотворительного фонда «Чистое сердце». Мы занимаемся оздоровлением, но у нас нет кабинетов для медицинских процедур, входящих в санаторное лечение. Если мы их сможем приобрести,

отдых детей станет гораздо полезнее. Тогда уже можно было бы выходить на российский уровень. Очень много желающих отдохнуть здесь из соседних регионов – Кабарды, Чечни, а в этом году и из Москвы хотели приехать – они даже готовы в два раза больше заплатить за путевку. С удовольствием приняли бы и этих детей, но вынуждены отказать, потому что отдаем приоритет своим детям, местным. Все наши путевки на этот год выкупило министерство образования Дагестана», – делится Асхабалиев.

Было бы неплохо, если бы «Солнечный берег» мог принять больше детей. Судя по их счастливым лицам и отзывам, недели, проведенные здесь, надолго останутся их лучшими воспоминаниями детства.

ЗЕЙД ИЗ КУРКЛИ

Зейд Ислам Булатов – известный в Дагестане ученый и мыслитель. Родился в селении Куркли Лакского округа (год рождения не установлен, умер в 1882 году). После завершения образования у себя в селении учился у известного математика, астронома и философа Исмаила из Шиназа, Кади Ильяса Чупалава из Дургели, работал у ученого Давуда ал-Карабудаги и др.

Али Каяев дает высокую оценку Зейду – как ученому и мыслителю, представляя его как ученого-энциклопедиста, одинаково успешно работавшего как в области математики, физики, астрономии, географии, так и в области арабского языка, богословия и философии. Гасан Гузунов тоже высоко отзывается о нем в своем астрономическом труде энциклопедического характера «Джевахир-ул-Бухур» («Драгоценность Морей») и в работе «Восстание 1877 года в Дагестане и Чечне».

Сын Аслан-Булата из Куркли Зейд был очень способным ученым. Он самостоятельно определял, в какой долготе и широте находятся любые города и села, – пишет Гузунов, – каковы там климатические условия и как жители приспосабливались к ним. Зейд был и довольно талантливым поэтом, но почему-то Каяев не упоминает эту сторону его творчества. Зейд пользовался вначале астролябией и, используя астрономические исследования и таблицы Уллугбека («Зиджи»), изучал небесную карту и составлял «Зиджи» (таблицы) координат небесных светил.

Его астролябические приборы сохранились и находятся в Дагестанском краеведческом музее. Возможности его астрономических наблюдений резко повысились после того, как по его чертежам в Кубачах изготовили астрономическую трубку. Али Каяев по этому поводу пишет: «Зейд изучал способ изготовления астрономической трубки, поехал к кубачинским мастерам

и показал им свои чертежи, описание которых заняло 10 страниц. В Кумухе было медресе, которое Зейд основал сам; с помощью изготовленного в Кубачах инструмента он проводил со своими учениками практические занятия по астрономии и различные опыты.

Наиболее любимыми его предметами были астрономия и философия. Интерес к астрономии был настолько велик, что он переписывал от руки лучшие работы по этой науке, находившиеся в примечетских библиотеках и в частных коллекциях. Он перевел с арабского на лакский язык астрономическую работу «Якут ал Микат» («Яхонт астрономии»). Гасан Алкадари относит Зейда к выдающимся ученым XIX века в Дагестане. По его словам, он «был во всех науках», имел научные и литературные работы.

Зейд пытался дать своим учащимся более основательные знания по астрономии и астрономической географии. С этой целью он вместе с ними составлял арабо-лакский словарь астрономических терминов. Вместе с лакским ученым Сулейманом из Кумуха он составил лунный календарь, который совпадал с лучшими календарями того времени с точностью до 1-2 дней. Позднее календарь был издан в Темир-Хан-Шуре в типографии М.М. Мавраева. Поэтому можно сказать, что Каяев не случайно назвал Зейда вторым учителем астрономии в Дагестане после Дамадана из Мегеба.

Назир из Дургели отмечает целеустремленность и настойчивость Зейда в изучении различных наук. По его словам, Зейд проявлял особый интерес к астрономии и математике. И педагогом он был отличным; помимо различных наук, Зейд изучал с учащимися и религию. Своими знаниями и умениями он притягивал их к себе, поэтому среди муталимов пользовался большим авторитетом. Назир из Дургели также подчеркивает, что Зейд прекрасно

разбирался в любых текстах: как научных, так и литературных.

Наука была призванием Зейда, он занимался ею каждый свободный час. И находясь в Тобольске, будучи сосланным царским правительством за участие в восстании 1877 года, он не прекращал научную деятельность. В Тобольске в ссылке Зейд случайно достал книгу по астрономии на арабском языке «Имьанал-фикр» («Углубление в мысль»), изданную Ибрагимом Багдади в 1875 году. В книге речь шла о гелиоцентрической системе Коперника. Книга так понравилась ему, что он перевел ее на лакский язык и послал в Дагестан своему сыну Магомеду. По словам Г. Гузунова, Зейд с большим мастерством воспроизвел схемы движения Солнца, Луны, Земли и звезд. На полях сделал пометки, которые помогают нам узнать его взгляды на некоторые вопросы Вселенной. Напротив тех мест, где автор сообщает особо интересные и новые данные астрономической науки, Зейд делает записи: «Удивительно, очень удивительно». Особое его восхищение вызывает сообщение о мощных обсерваториях и последних достижениях астрономии - о бесконечности звездного мира, о существовании многих планетных систем и галактик и т.д.

Эти данные говорят, что Зейд был ученым творческого мышления. Способности он проявил и в философии, особенно ярко его философское видение отражено в его вопросах Гасану Кудалинскому или Гасану Алкадарскому. Подключенные мною к анализу его вопросов знатоки арабистики М.С. Саидов и М. Нурмагомедов не пришли к единому мнению по этому вопросу. Но для нас в данном случае это не имеет принципиального значения, речь идет о вопросах Зейда. Установить, когда письмо с вопросами было послано одному из этих ученых, нам не удалось.

Не вызывает сомнения, что под влиянием российской действительности, общения и чтения литературы в период ссылки его воззрения претерпели определенную эволюцию. Так, Зейд спрашивал: «Коран учит, что все действия человека предопределены богом. Выходит, что не только хорошие, но и плохие поступки людей определяются богом. В чем же тогда виноват человек?» Второй вопрос он сформулировал так: «Религия учит, что в «ночь лейлатуль-къадр»

(«ночь судьбы»), которая наступает в месяце Рамазан, Аллах прислушивается к молитвам и просьбам людей. Ведь известно, что ночь наступает не во всех частях света одновременно. Причем есть такие местности, где несколько месяцев подряд не наступает ночь. Как же при таком положении определить ту особо святую ночь?» И, наконец, третий вопрос: «Религия учит, что характер человека предопределяется богом еще в утробе матери. Тогда же определяется его будущее материальное положение. Какая же польза от молитв бедняка о лучшей доле, если вся его жизнь заранее определена»? Как видно, у Зейда некоторые положения религии вызывают сомнение, он усматривает в ней некоторую противоречивость. Это не значит, конечно, что он перестал верить в бога. Зейд до конца жизни остался верующим.

Постановка вопросов и характер суждений говорят о близости воззрений Зейда к мутазилитам – ранним мусульманским философам, отделившимся от последователей ортодоксального ислама и отстаивавшим рационалистический подход к религиозным догматам.

Зейд Курклинский с его развитым аналитическим мышлением не мог оставаться в стороне общественно-политической жизни страны. В период борьбы горцев под руководством Шамиля он был, по всей вероятности, совсем молодым, его отношение к ней нигде не отражено. Но он принял участие в восстании 1877 года, за что был сослан царскими властями в Тобольск, где провел несколько лет. Его отношение к этому событию и жизнь в ссылке находят отражение в стихах.

Абачара Гусейнаев, впервые обративший внимание на его литературное наследие, в своей статье (журнал «Дружба») указывает, что обнаруженные им стихи Зейда дают основание считать его родоначальником лакской поэзии. В стихах Зейд осуждает восставших кумухцев, согратлинцев, чеченцев и их руководителей, которые затеяли восстание и тем самым нанесли невосполнимый ущерб Дагестану. В них рассказывается о тяжелых условиях жизни ссыльных, о тоске по родному селу, Дагестану. Особенно угнетает поэта мысль умереть на чужбине и тем самым остаться брошенным, забытым родичами. В стихах Зейд осуждает тех согратлинцев, кумухцев и чеченцев и их

руководителей, которые затеяли восстание и тем самым навлекли беду на горцев. Он пишет, что из-за их глупостей и неумения анализировать и понять социальные процессы пострадали целые селения, ни в чем не повинные бедняки, общественные и научные деятели.

Зейд не был сторонником восстания, но оказался, вопреки своему желанию, втянутым в него, как шейх Абдурахман-Хаджи из Согратля, Гасан из Алкадари и многие другие трезво мыслящие деятели. По словам А. Каяева и Г. Гузунова, в таком положении оказался и царский офицер Будагал-Муса

из Кумуха. Последний приложил много усилий, чтобы не допустить выступления кумухцев, заведомо зная, что это может принести лишь несчастье и разорение. Однако усердие Мусы было истолковано неправильно – его обвинили в измене и трусости. В ответ на это Муса сорвал с себя офицерские погоны и примкнул к восстанию. Передают, что он дрался мужественно, пока не был ранен. О том, что Зейд был против восстания, свидетельствуют и его современники, которые пишут, что он даже требовал разоружения первых групп восставших, пока еще не поздно.

Из стихов Зейда можно сделать вывод, что он во многом понял, чем было вызвано восстание 1877 года. Широкие слои горцев были недовольны политикой царских властей и хотели освободиться от их господства, а представители ханско-бекских фамилий и высшего духовенства мечтали о восстановлении своей прежней роли в жизни горского общества. Тут же после начала восстания, по его словам, представители ханских и бекских фамилий объявили о восстановлении своей власти, а духовенство – имамата, совершенно не учитывая, что это не может иметь успеха в могущественной Российской империи.

Обнаружены стихи Зейда, написанные им до ссылки. В них он описывает жизнь лакских сел, воспевает родной Куркли.

Как отмечалось, Зейд, как и его земляк Али Каяев, не прекращал творческой деятельности и в ссылке. Здесь он прочитал историю России на татарском языке, обнаружив в ней много интересного в познавательном плане, перевел ее на арабский язык и послал сыну в Дагестан с письмом, в котором рекомендовал непременно внимательно прочитать и передать для ознакомления другим. Не будет преувеличением сказать, что в ссылке он обстоятельно познакомился с европейско-русской культурой, научился русскому языку и главным образом благодаря ему сумел почерпнуть многое в европейской науке.

Переписанные и переведенные им работы и письма, посланные в Дагестан, способствовали осознанию многими горцами значения России, европейско-русской науки. Особо важную роль сыграла книга по астрономии Коперника. Услышав о получении интересной книги из Сибири, многие дагестанцы приходили к Магомеду и переписывали ее. Так, по словам Г. Гузунова, работа и письма Зейда способствовали распространению в Дагестане гелиоцентрической системы Коперника.

Важно отметить и то, что Зейд не перенес личную обиду, связанную с жестокой расправой царских властей с горцами, на светскую, европейско-русскую науку и культуру, продолжал высоко отзываться о них и призывать горцев приобщиться к ним.

Влада Бесараб

династия из кубачи

ВДагестанском государственном музее изобразительных искусств им. Патимат Гамзатовой проходит выставка ювелирного искусства «Династия Кишевых», на которой представлены работы мастеров четырех поколений одной из самых известных кубачинских семей потомственных ювелиров. Часть экспонатов — из коллекции музея (некоторые из них можно видеть в постоянной экспозиции), но большинство хранится у членов семьи Кишевых, и широкой публике они представлены впервые.

Выставка интересна, прежде всего, тем, что по ней можно проследить и преемственность традиций кубачинского искусства, и то, как оно меняется под влиянием времени, тенденций мировой ювелирной моды, а также увидеть, насколько разнится творческий почерк мастеров, — даже если они прошли одну школу, трудились в одной мастерской и наверняка обсуждали работы друг друга, советовались. Архивные фотографии, а также картины, на которых запечатлены прославленные златокузнецы и сам легендарный аул, органично вписались в экспозицию

и поддерживают то особое настроение, которое удалось создать кураторам выставки: главному хранителю ДМИИ Хатажи Амирхановой и реставратору по металлу ДМИИ Гаджирабадану Кишеву. С его помощью мы и разбирались в тонкостях витиеватых орнаментов и семейных связей династии (а для того чтобы окончательно в них не запутаться, будем звать Гаджирабадана просто Рабаданом, с его разрешения, разумеется).

Одним из лучших мастеров-граверов артели «Кубачинский художник» был Гаджимамма Кишев (1886–1983). «Он прожил 97 лет, а в 95 – еще работал и паял так, как никто не паяет до сих пор», – с гордостью рассказывает Рабадан Кишев о своем деде. Произведения Гаджимаммы Мамаевича экспонировались на многочисленных выставках в СССР и за рубежом. В ДМИИ представлен чайный сервиз его работы: сложной формы позолоченные чайник, чашка с блюдцем и сахарница с изящными изогнутыми ручками (а каждый изгиб предмета усложняет работу мастера!) сплошь покрыты черневым орнаментом и глубокой гравировкой. «И хотя

сервиз – единственное произведение мастера на выставке, даже по нему можно судить о нем, как о выдающемся ювелире», – пишет Хатажи Амирханова в аннотации. С ней можно поспорить лишь в том, что оценить масштаб таланта Гаджимаммы можно даже по одной ложечке из этого сервиза.

Двоюродный брат Гаджимаммы Гаджи Магомедович Кишев (1900–1987) – заслуженный деятель искусств ДАССР, лауреат Государственной премии РСФСР им. Репина,

участник легендарных всемирных выставок в Париже (1937) и Нью-Йорке (1939), был награжден орденом «Знак Почета» (1944), орденом «Трудового Красного Знамени» (1945). С 1925 г. он работал в Кубачинской художественной артели, был членом правления, обучал молодых мастеров, разрабатывал новые формы художественных изделий. Форма – это первое, на что обращаешь внимание, глядя на его изделия: сахарницы, представленные на выставке, выполнены в форме традиционных кубачинских котлов. В точности и

с большой любовью воспроизведены в миниатюре пузатые трехногие котлы, украшенные выступающими деталями по верху. Плотно подогнанные крышки увенчаны «пимпочками» из слоновой кости, ручки оригинальной формы поднимаются и опускаются в миниатюрных петлях, как и положено ручкам котла. И все это позолоченное чудо покрыто великолепным орнаментом с чернью и глубокой гравировкой. Рядом – кумганы с вытянутыми носиками, с которых хоть сейчас пиши иллюстрацию к сказкам «Тясячи и одной ночи».

Сын Гаджи Кишева Магомед-Расул

(1944-2010) был человеком разносторонних интересов, широкой одаренности. Ученый, кандидат физико-математических наук, он преуспел в ювелирном деле, удивляя всех не только своем безупречным мастерством гравера, но и богатой фантазией. Среди многочисленного оружия, которое можно увидеть на выставке, выделяется короткая сабля в ножнах из моржовой кости, на которых изображено целое повествование из жизни народов Севера.

тер спокоен и сосредоточен. За его спиной уступами поднимается прямо в небо аул Кубачи, и в какой-то момент элементы орнамента превращаются в буквы и складываются в слова: «Хороший мастер богатым не будет».

Этим наставлением Гаджи Кишева руководствовался не только его сын Магомед-Расул, но и другие представители династии мастеров, включая сына Гаджимаммы Кадира Кишева (1934 г.р.). На выставке экспонируется большое серебряное блюдо его работы с богатым «просечным растительным орнаментом по борту и на зеркале». «Блюдо дополнено

предметами из чайных и кофейных сервизов, Тут пасущиеся и бегущие олени, чумы и типич-

ный пейзаж, которые при всей своей экзотичности, как оказалось, отлично сочетаются с кубачинским черненым орнаментом на рукояти и обратной стороне ножен. Шкатулки работы Магомед-Расула, выполненные в сочетании разных техник, вызывают ассоциации и с драгоценными ларцами из восточных сказок, и со шкатулками Хозяйки Медной горы из уральских сказов. А в портрете отца (из

слоновой кости в серебряном окладе, опять-таки с резными вставками из кости) невозможно не отметить влияние древнерусского искусства. В то же время в нем есть что-то от европейской книжной миниатюры, грузинской книжной графики. Магомед-Расул изобразил отца за работой - старый мастер гравирует кувшин, серебряной волшебной стружкой слетают из-под его резца завитки, цветы и спирали и ложатся тончайшим узором на раму. Мас-

Гаджирабадан Кишев

украшенных черневым орнаментом и с глубокой гравировкой», - следует из аннотации.

Кадир Гаджимаммаевич сегодня является старейшим мастером рода Кишевых и передает секреты мастерства многочисленным внукам (работы Магомеда экспонируются в соседней витрине), внучатым племянникам и представителям более дальней родни, разобраться в которой некубачинцу практически невозможно. Как, шутя, заметил сын Кадира

Рабадан, вообще-то в ауле принято отдавать сыновей на обучение к другим мастерам – так и нервов меньше, и толку больше.

О годах его собственного обучения напоминает маленький поднос с оленем в обрамлении традиционного орнамента. Выгравированный нетвердой детской рукой, такой наивный и трогательный в своей непропорциональности олень, тем не менее, стал этапным для ученика: «Я когда закончил эту работу, даже дату поставил. Мне тогда казалось, что я теперь умею почти все!» - смеется мастер. Сегодня, будучи членом Союза художников России, участником многочисленных всероссийских и международных выставок, реставрацией занимаясь уникальных старинных изделий, он говорит, что порой ему кажется, что он не умеет почти ничего, - по сравнению с мастерами прошлого. В экспозиции представлено много предметов его работы. Это и оружие, украшенное богатым черневым орнаментом и глубокой гравировкой, с накладками из золота и слоновой кости (сродни тому, что было изготовлено Рабаданом Кишевым в подарок экс-главе Татарстана Шаймиеву); и позолоченный самовар, на боках которого резные медальоны из кости увиты красочной эмалью; самые разнообразные кувшины, чьи выпуклости, вогнутости и вытянутости как нельзя лучше подходят

для демонстрации различных декоративных техник, а также другая парадная посуда. Кстати, мастер утверждает, что при всей своей декоративности, она абсолютно функциональна, и, например, при нагреве самовара от него ничего не отвалится и не потускнеет. Особняком стоят женские украшения, в частности, выполненные по старинным образцам. Вот уж где сплелись традиции и современность, причем в такой идеальной пропорции, что эти серьги, кольца и браслеты с удовольствием носят как молодые и смелые девушки, так и их консервативные мамы и даже бабушки.

Переходя от экспоната к экспонату и рассказывая об их авторах, Рабадан Кадирович приводит другой кубачинский афоризм, многое объясняющий в том, что касается отношения ювелиров из Кубачи к работе: «Когда возьмут изделие в руки, пусть спросят, не сколько оно стоит, а кто его сделал». Авторство любого мастера из этой династии, включая тех, чьи работы не представлены на данной выставке (сегодня активно работают почти 20 ювелиров Кишевых, показать изделия каждого в рамках одного проекта невозможно), - гарантия качества: как техники исполнения, так и художественной формы.

Выставка продлится до конца июня.

Фото Гамзата Гаппарова

Владимир Севриновский

новруз

Сноврузом в России – сплошное недоразумение. Большинство считает его мусульманским праздником, а сами мусульмане – пережитком язычества, эхом персидского зороастризма. Что не мешает исламским регионам и странам отмечать Новый год по солнечному календарю, а то и объявлять его государственным праздником.

В Дагестане Новруз постепенно идет на убыль. Он еще популярен в южных и лакских районах, в городах проходят официозные мероприятия, но даже сами дагестанцы его путают с праздником первой борозды. С каждым годом костров в ночь с 21 по 22 марта становится меньше, и за настоящим Новрузом приходится забираться все выше в горы — например, в Кулинский район, где сохранилось много древних традиций.

Село Сумбатль встречает гостей истошным ослиным ревом.

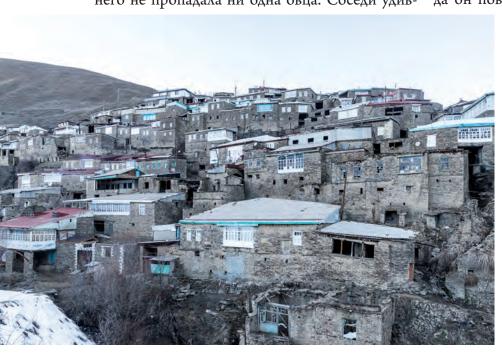
Ишаков у нас много, – говорит мой спутник, пока мы поднимаемся по крутым улочкам.
Они здесь по численности на первом месте.
На втором – старушки.

В изобилии женщин винят проклятие шейха Вали Авдуллаха. Легенда гласит, что его младенцем нашли на крестьянском поле. Мальчик рос набожным и способным. Когда он пас отару, у него не пропадала ни одна овца. Соседи удив-

лялись – обычно потери были немалые. Виной тому не только свирепость диких зверей, но и степенность сумбатлинцев. Говорят, однажды на корову сельчанина напали волки. Они клацали зубами у самого горла буренки, а хозяин шел на выручку спокойным расслабленным шагом, приговаривая: «Что ж, из-за одной телки мне походку портить?»

Подкрались сумбатлинцы, глядят – Вали спокойно дремлет, а овец пасут дюжие волки. Когда он повзрослел, по Сумбатлю пошли слухи,

> что Авдуллах заглядывается на дочку человека, который его приютил. Не захотели братья девушки отдавать ее за подкидыша. Решили его погубить. Ни словом не возразил Вали убийцам, спокойно пошел с ними в село. Но только, проходя через реку, расстелил бурку прямо на воде, помолился Аллаху, взял камень весом в пять пудов и, поигрывая им, явился на годекан. Так испугались враги, что и пальцем его не тронули. Но Вали все равно ушел из аула. На прощание он сказал: отныне в каждом роду сельчан будет всего по одному мужчине. А от овец его стада в Сумбатле пошла особая порода с лишним ребром.

Черный трехглавый камень, якобы принесенный Вали Авдуллахом, лежит напротив сельской мечети. Он накрыт платком и украшен цветами. Это – типичный каменный идол, ему до сих пор совершают приношения. Чтобы исполнилось желание, сумбатлинцы раздают детям сладости и мажут его маслом или жиром – как в доисламские времена.

– В молодости я единственная из женщин этот камень поднимала. И гири восемнадцати-килограммовые отжимала 15 раз! – гордо говорит хрупкая бабулька в платочке.

Ей далеко за восемьдесят, она еще помнит

прежний Новруз, с девичьими гаданиями.

- Выкапывали корень дурмана, мыли в молоке пестрой коровы и клали под подушку, чтобы увидеть во сне суженого. Корень хрупкий, главное – его не повредить. Один раз слегка поцарапала, и мне приснилось, что я порезала палец. Просыпаюсь, кричу, а сестры ругаются: «Ты нам весь сон испортила! Не успели женихов как следует разглядеть!»

В канун праздника женщины готовят халву и «мокрый суп» – похлебку из пшеницы. Зерно, как и сотни лет назад, перетирают на каменной мельнице, шелуху счищают вручную. Варят с молоком и сушеным мясом. Получается вкусно и так густо, что ложка стоит. Говорят, если правильный суп плеснуть на стену, он прилипнет и не стечет. Помимо еды на праздник делают глиняные бомбы «турби» – плотные шары с воткнутыми в них стеблями бурьяна. Издалека закинуть такую в соседский котел считается особой удалью и хорошей приметой. А что варево безнадежно испорчено – не беда. «Снайпер» щедро поделится супом с жертвой шутки.

Второе, столь же важное угощение на Новруз – каравай барта. Происходит его название от слова «баргъ» – солнце или «бар» – божество. Раньше ритуальный хлеб пекли в форме рогатого чудовища. Он символизировал приобщение к богу поеданием его плоти – как и

христианское причастие. Теперь барты готовят самые разные: для дочек – в форме бабочки, а для сыновей порой и в виде пистолета. Вместо традиционных изюма и фиников их часто украшают разноцветными конфетами М&M's.

Пока женщины готовят угощение, мужчины – от мальчиков до стариков, смотрят телевизор.

– Раньше транслировали туркменский канал. Так здорово было! Я только его и включал, – вздыхает хозяин дома. – Ни одной плохой новости! Сплошной позитив, не то что у нас.

Теперь передачи – уже не те, пропустить их не жалко, и мы отправляемся на старенькой

машине по окрестным селениям. На ходу здороваемся с людьми. Некоторые имена запоминаются надолго. Это среди аварцев сплошные Магомеды. У лакцев арабских имен гораздо меньше, зато порой встретишь в горном ауле дюжего десантника Айвенго или кокетливую Жаннетту.

Среди развалюх красуется дворец с колоннами – дом местного чиновника. На такие

хоромы с зарплаты не скопишь и за полвека, но односельчане богача одобряют:

– Хороший начальник должен жить достойно. Если он себя не облагодетельствовал, остальным тем более не поможет! Но у нашегото давно все в порядке. Наверное, волчью п...у купил. Очень сильный амулет, много богатства приносит! Такая тыщ пятнадцать стоит, но расходы быстро оправдывает.

Машина резко тормозит – по трассе спускается с гор стадо овец. Щеки и губы пастуха – одинакового кирпичного цвета. Резким контрастом серебрятся волосы. Скоро ему подниматься ввысь и складывать тур из камней, как поступают все чабаны, уходящие на покой. Таких пирамид много на горных хребтах.

Раньше в Новруз с вершин спускали огненные шары. Каждый тухум старался сплести из гибких прутьев снаряд побольше, чтобы ярче горел. Потом их заменили горящие шины. Сейчас и такое

редко увидишь. Зато горы ночью превращаются в вулканы – на них разводят гигантские костры. Особенно этим славится селение Шара. Когда мы приехали, празднование здесь было уже в разгаре. Стол у пожарного пруда ломится от водки и закуски. Тощий лакец сидит на корточках возле большого плоского камня и сыплет порох в три выдолбленных расходящихся желоба. Каждый заканчивается круглым углублением. В них вбивают булыжником деревянные затычки. Пиротехниксамоучка чиркает спичкой, отпрыгивает и скрючивается в позе эмбриона. Бабах! От деревяшек остаются только щепки. В

старину грохот распугивал злых духов, сейчас это – просто шуточная побудка для весны.

Вырваться из гостеприимной Шары непросто. В Сумбатль мы возвращаемся уже в темноте.

На поляне ревет костер. Полыхают шины, трещат связанные проволокой сухие древесные стволы, кружатся искры. Дети поджигают глиняные бомбочки и швыряют их во тьму. Раньше такие снаряды метали пращой. Одни этнографы полагают, что это символизировало борьбу зимы и лета, другие – что подростки тренировались перед реальными битвами. Стремительно летящие шары могли ранить и даже убить. Но за несчастные случаи никто не отвечал. Не хочешь рисковать – сиди дома.

Возле костра – обжигающее пекло, чуть поодаль – мороз. Люди сгрудились в узкой полосе между крайностями. Зябнущие старики садятся

поближе, молодежь стоит в стороне. Из распахнутой «Нивы» гремит музыка. Одни сельчане танцуют лезгинку, другие водят с детьми хоровод вокруг пламени.

Прыгать через костер опасно – можно зацепиться за проволоку и упасть в огонь. Но самые отважные все же решаются.

– Здоровье – телу, хворь – огню!

Долгий разбег – и черная фигурка летит сквозь пламя. На мгновение ярко высвечивается сосредоточенное лицо. Сноп искр – и смельчак исчезает в темноте. Он невредим, но следующий все равно отваживается нескоро.

Дети маленькими группами разбредаются по селению – стучать в двери домов и выпрашивать сладости. Каждый хочет собрать больше всех. По крикам «Вабартамяш!» их маршрут угадывается и с закрытыми глазами.

Большой огонь еще не погас, а во дворах уже зажглись костерки поменьше. Горцы весь год собирали старую одежду и обувь, чтобы спалить на праздник. Через такое пламя прыгают даже бабушки. Затем на стол ставят «мокрый суп» и начинается пиршество. Едят много, с удовольствием, «так, чтобы ребра выгнулись изнутри!»

Солнечный Новый год отмечают три дня подряд. Празднует Дагестан. Веселятся афганцы и албанцы, персы и казахи. Пускай зороастризм давно ушел в прошлое. Не надо быть огнепоклонником, чтобы радоваться солнцу и с ликованием встречать долгожданную весну.

Фото автора

Гаупая, но счастаивая

За дни пребывания в Сиднее Култум так и не привыкла бы к смене дня и ночи с разницей шесть часов, если бы за светлое время суток не уставала так, что к вечеру валилась с ног. Странно было представить себе и привыкнуть к тому, что в то время, когда в Дагестане двенадцать часов ночи, люди собираются на покой, а многие уже и спят, в Сиднее уже шесть часов утра и пора вставать.

Удивило ее и то, как быстро привыкла к такой перемене Анфиса, которая, завалившись на месте (на диване, в кресле) могла дрыхнуть в любое время дня и ночи. Так и подмывало спросить: «Может, в прежней своей жизни ты была кошкой, Анфиса?» Но, боясь обидеть ее, Култум начала разговор издалека:

– Знаешь, какая поговорка о кошках больше всего понравилась мне?

Уловив подвох, Анфиса решила переиграть подругу:

- Тебе или мне?
- Мне, мне!
- Тебе больше всего понравилась поговорка: «По мнению кошки, только тот понимает в жизни, кто спит по 20 часов в сутки». Сказать, почему понравилась?
- Ты знаешь, о чем я подумала? вытаращила глаза Култум.
- Ты в душе посмеялась надо мной, поняв, что мнение кошки легло мне на душу бальзамом.
 - Ведьма настоящая!
- Ведьма или нет, не знаю, но люблю спать и высыпаться. И знаю, какая поговорка тебе ближе подходит, сгримасничала Анфиса.
 - Какая же?
- «Нельзя отучить кошку мяукать, а женщину – воспитывать мужчин».

- Почему ж она мне больше подходит, чем тебе?
- Потому что ты любишь воспитывать других, но только не себя.
 - В чем это выражается?
 - В том, что ты ненормально спишь!
 - При чем тут мой сон?
- При том, что ты живешь по правилам, а не по сердцу.
 - Откуда тебе знать, что у меня на сердце?
- Кому еще знать, если только одна я живу с тобой и твоим сердцем?
 - Не дури, пожалуйста!
- Собираясь спать, ты все думаешь: что я за день так или не так сделала, обидела кого или нет, что завтра делать, как себя вести... И о всякой другой чепухе и ерундистике!
 - Разве это чепуха?
- Полнейшая! Потому чепуха, что не можешь остановиться на чем-то одном: засыпаешь с вопросами, спишь в обнимку с вопросами и просыпаешься с вопросами...
- У тебя никаких вопросов не возникает и тебя ничто не беспокоит?
 - Еще как беспокоит!
 - И как выходишь из положения?
- Отключаюсь от всех вопросов по принципу «утро вечера мудренее».
 - Ты кто? Спортсменка или философ?
- Каждый по-своему философ. Только одного не хватает.
 - Че-его?
- Умения вовремя менять свои взгляды и развивать их.
 - И ты хочешь научить меня этому?
- Никто никого насильно чему-нибудь научить не может.
- Зачем ты тогда затеяла такой разговор со мной?

- Честно говоря, сама не знаю. Я его не планировала, как это обычно делаешь ты. Душа, наверное, захотела. Просто расслабилась, чего ты себе никогда не позволяешь.
- Никогда в жизни я так не расслаблялась, как здесь. Сама себя перестаю узнавать!
- Так и поверила! Знаешь, как изменила бы я поговорку о кошке и женщине?
 - Это еще что?!
- Легче отучить кошку от мяуканья, чем Култум от воспитания самой себя!
- Ну и злодейка ж ты! засмеялась Култум, заразив своим смехом и подругу.

Казалось бы, разговор шуточный, так сказать, проходной, которому никакого значения придавать не следует. Но Култум невольно задумалась. И в самом деле, разве что в раннем детстве спала по восемь-десять часов и высыпалась.

В ауле утром долго спать, особенно девушке, не полагалось – считалось и считается дурной привычкой. Вставала с рассветом, доила корову, готовила завтрак, убиралась, и как-то легко становилось на душе от того, что день начался с полезного дела. Вроде бы с утра сама делаешься лучше, и хочется заняться еще чем-нибудь нужным и важным.

В Сиднее ни корову доить, ни завтрак готовить, ни убираться не надо. Проснувшись раньше подруги, Култум пыталась было вышивать (благо, нитки и иголки взяла с собой), но как-то неохота было - ни желания, ни стимула какого-нибудь. А ведь и сон был не таким оздоровительным, каким обычно бывал в ауле, когда, проснувшись, чувствуешь в себе так много накопившейся энергии и живого огня. Да и болезненная мысль занозила: почему все вокруг беспечно отдыхают, а она одна не может?! Позевать в постели, повернуться налево-направо, принять, подобно расчетливой кошке, более удобное для тела положение и незаметно заснуть оказалось одним из блаженных состояний, о котором она до сих пор и представления не имела. Было как-то необычно, что она может ни о чем не думать, ничего не делать и при этом хорошо чувствовать себя.

«Вернусь домой – все пойдет по-прежнему, – успокаивалась она. – Так и быть: пожи-

ву здесь, как сердце хочет, а не по правилам. Почему другие могут жить в свое удовольствие, а я нет?!» И в это утро, проснувшись раньше подруги и устав от ниочемнедумания и ничегонеделания, но будучи в благодушном настроении духа, она пощекотала ступни Анфисе. Просыпаясь от приятного зуда, подруга сквозь тающий сладостный сон учуяла, что это дело рук Култум, и обрадовалась. С трудом сдерживая смех, она притаилась спящей, а когда стало невтерпеж, подскочила и воскликнула:

– Ba-ав!

Напугав Култум и заливаясь громким смехом, она стала целовать и тискать ее.

- Ну-ну-ну! Опять за свое! сказала Култум вроде бы сердито, но без угрозы и обычного сопротивления сама себе удивлялась, что это нравится ей.
 - Ол райт! как говорит наш Семеныч.

Анфиса перестала смеяться, начав так деловито и искусно массажировать размякшее молодое тело, что Култум кряхтела и постанывала от удовольствия.

Приняв душ и позавтракав «вприкуску» с беспечными шутками и прибаутками, они весело спустились к ждавшему их у своей любимой Мицубиси Семенычу.

Экскурсия в Голубые горы начиналась с посещения Парка дикой природы. Горы получили такое название благодаря высокому содержанию эфирных масел, выделяемых более чем девяносто видов эвкалиптовых деревьев. Масла эти образуют вокруг прозрачную голубую дымку, в которой утопают покрытые эвкалиптами, соснами и можжевельниками причудливые горы.

По пути в Парк дикой природы Семеныч привел девушек на смотровую площадку, откуда открывался вид на знаменитый водопад Говетс Лип и долину Грос Вэлли, окруженную скалами из песчаника.

Култум видела немало водопадов – как срывающихся с вершин скал сплошным пенистым потоком, так и разветвляющихся по террасам, образовывавшим нерукотворную серебристо-пенную лестницу. Но чтобы один водопад создавал такую живописную картину с разными потоками, кипящим расплавленным серебром, видела впервые. На

какое-то время лишившаяся дара речи, Култум вдруг обратилась к подруге:

- Тебе ничто не напоминает этот водопад?
- А что в нем такого? Ах, да, блин! Ваш Серебряный водопад, у которого мы жарили початки кукурузы! Ни фига себе!
- Он мне казался самым красивым на свете! Но, оказывается ...
- Ничего не оказывается! перебила Анфиса, желая угодить подруге. Если каждый день будешь видеть, и этот водопад окажется для тебя обыкновенным. Наш Серебряный водопад куда лучше и красивее его! Жаль, что не взяла с собой картину Максуда, чтобы сравнить...

Последние слова Анфисы так взволновали Култум, что она, краснея от приятно жгучего стыда, надвинула платок на глаза. Но в это самое время, к ее радости, Семеныч, вытянув руку, вскричал:

– Посмотрите! Посмотрите! Над рекой, над долиной повисла белая холстина. Через поля, через луга встала нарядная дуга!

Где-то в дали – то ли за водопадом, то ли перед ним, зависла серо-мутная холстина тумана, украшенная нарядной аркой семицветной радуги.

- О, Аллах ты мой! Какое чудо! заорала Култум, подпрыгивая словно девчонка.
- Будто первый раз радугу видишь! не разделяла ее восторга Анфиса.

К Парку дикой природы они подошли каждый со своими впечатлениями.

Поскольку въезд в парк на машине был запрещен, они поехали на фуникулере (можно было и поездом или канатной дорогой) над глубокими каньонами и скалистыми грядами, голубовато-зелеными долинами и кристально-прозрачными речками.

Култум то и дело восторгалась:

- О, Аллах ты мой!
- Астапируллах! Астапируллах!

Анфиса одергивала ее:

– Ты как ребенок, ей богу!

Семеныч разряжал обстановку:

– Один говорит: «Побежим». Другой говорит: «Полежим». Третий говорит: «Покачаемся. Пошатаемся». Кто отгадает загадку – той шоколадку!

- Только Семенычу все по плечу! отшутилась Анфиса.
- Шоколадка ваша, дорогой Семеныч, сдалась Култум.
- Ол райт, милые дамы! Река говорит: «Побежим». Берег говорит: «Полежим». Кусты говорят: «Покачаемся. Пошатаемся...»

Не меньше впечатлила и пешеходная дорога, петляющая среди разных вольеров (вплоть до вольера для пятиметрового самца морского крокодила!). По сведениям Семеныча, в Парке обитало около шести тысяч животных, среди которых немало самых редких видов. Территория разделена на зоны: «Рептилии», «Бабочки», «Беспозвоночные», «Ночные животные», «Крыша коал», «Утесы валлаби», «Ущелье какаду» ... Никакая экскурсия, даже по самым известным музеям мира, не может сравниться с тем, что ты видишь здесь.

К какому бы животному или птице не приближались они, Семеныч предварял их встречи своими остротами.

Показывая на кенгуру:

 Не нужны коляски детям, если мама кенгуру.

На жирафа:

– На всех глядит свысока!

На павлина:

Павлин бережет свой хвост, человек – свое доброе имя.

Но более всего запомнилась встреча с коалами, сидящими на ветках и добродушно смотрящими на них. У Култум так и тянулись к ним руки, как в детстве – на большого плюшевого мишку.

Видя их живую заинтересованность, Семеныч решил подбросить им интрижку:

– Макака коалу в какао макала, Коала какао лукаво лакала. Лакая какао, коала устала, Коала какао лакать перестала Макака коалу поймала за хвост. В какао макает опять в полный рост.

– Во дает наш Семеныч! – засмеялась Анфиса, предостерегая подругу, тянущую руки к коале.

- Бери, бери, Култум! Они ручные. Я зафотую тебя с коалой, принял серьезный вид Семеныч, настраивая фотоаппарат.
- И мне можно? удивилась Анфиса, видя, как коала с ветки переместилась к подруге и нечаянно стянула с ее головы белый платок, обнажив черные волосы, собранные в косу.
- Ну, конечно. Услуги я оплатил. Это мой маленький сюрприз для вас!
- Мерси, Семеныч! Мерси! Анфиса робко сняла вторую коалу с ветки и прижала к груди. В долгу не останемся!
- Платок не надо поправлять, Култум. Так лучше. Естественней. Внимание! И вылетела наша птичка...
- Большое баркалла вам! То есть спасибо, дорогой Семеныч! Вы – наше второе чудо! – засмеялась Култум, целуя коалу и водружая ее на ветку эвкалипта.
 - А первое, позвольте знать, кто?
- Первое? Это ваш Сидней. Нет, наш Сидней! хихикнула Култум.

Тем временем Семеныч из-под свитера, словно фокусник, достал две ветки эвкалипта с молодыми листьями и преподнес коалам в знак благодарности за их образцовое позирование.

– Как вы внимательны! Как вас не любить! – воскликнула Култум и смутилась, увидев, как много посторонних наблюдателей собралось вокруг них.

Переместившись на площадку «Хохлатый орел», девушки засмотрелись на скалу «Три сестры». Вдали, на огромной скалистой горе, возвышались три скалы, словно прилепленные друг к другу, но с гордо поднятыми разделенными вершинами-головами.

– Пока вы любуетесь общим видом скал, милые государыни, скажу вам по большому секрету, – начал гид, лукаво улыбаясь, – все на свете вертится-кружится вокруг безумной, испепеляющей душу, любви.

Пока говорил, Семеныч и не думал, что сказанное имеет к нему какое-нибудь отношение. Как произнес эти слова, то ли с радостным, то ли догадливым (а может, радостным и досадливым!) удивлением обнаружил, что сказанное относится и к нему самому, о чем, конечно, подруги не могли догадаться.

Култум насторожилась и поправила платок, думая о своем.

- Валяй, Семеныч! снисходительно махнула рукой Анфиса, не придавая особого значения его словам.
- Мало кто будет оспаривать фразу: «жизнь без любви, что год без весны». Но когда орут во всю ивановскую о том, что проснулся влюбленным, а заснул счастливым, то надо еще думать: так ли это.
- А покороче нельзя? скривила губы Анфиса.
- Короче отруби легче понесешь! Три сестры одного племени влюбились в трех братьев из чужого племени. Такие браки тогда были строго запрещены. Началась война между племенами. Влюбленные братья готовы были на все, чтобы доказать свое превосходство над парнями племени трех сестер. В смертельной схватке лилась кровь, гибли люди. На грани своего поражения отец трех сестер привел их к той скалистой горе и превратил в холодные и бездушные скалы с намерением воскресить, когда чужое племя покинет их. Но отец погиб в междоусобной войне и унес с собой тайну воскрешения дочерей. Вот так и торчат эти окаменевшие сестры, проливая слезы и посылая проклятия дурным обычаям озверевших людей...
- Детские сказки! махнула рукой по привычке Анфиса.
- Сказка ложь, да в ней намек, отпарировал Семеныч.
- Тебе это ничего не напоминает? спросила задумчиво Култум у подруги.
 - А что?
- Забыла о ночи напротив нашей Верблюд-скалы?
- Ах, да! Как такое можно забыть! Волшебная ночь! Горы как призраки! Звезды – алмазы! Эхо реки в скалах... Я вообще не хотела, чтобы ночь кончилась!

Анфиса говорила о своем, но не о том, о чем думала Култум.

Читая мысли ее по выражению лица, Семеныч спросил:

- И чем примечательна ваша Верблюжья скала, Култум?
- Такой же историей любви, как и у ваших трех сестер.

- Не может быть! И у вас три сестры и три брата?..
- Нет, не три сестры и не три брата. Разве дело в количестве влюбленных? Две семьи враждовали между собой, но их дети, парень и девушка, полюбили друг друга. Вы знаете, наверное, у нас раньше, как и у вас, русских, между прочим, не дети подбирали себе пару, а родители женили их. Никакие объяснения, уговоры, угрозы не смогли сломить сопротивление родителей. И тогда парень и девушка, прокляв родителей, бросились в обнимку с Верблюд-скалы, и разбились насмерть. Я, конечно, не оправдываю родителей. Но так проклинать их, как прокляли парень с девушкой, тоже негоже.
- У вас в народе есть такие едкие проклятия?
 весь в слух превратился Семеныч.
- Народные или нет, не знаю, но парень с девушкой такую жуткую песню сложили, мне и вспоминать не хочется!
- Ты даже мне не говорила об этом! упрекнула Анфиса.
- Потому и не говорила, что совестно такое произносить.
- Можешь написать, чтоб я потом без вас мог прочитать?
- Писать рука не поднимется. Лучше скажу, чтоб больше не приставали.

Култум стала боком к подруге и гиду и, глядя куда-то вдаль (мысленно перенесшись в то время), заговорила срывающимся голосом:

Он пел:

– Если упрекнет тебя мать В том, что ты влюблена, Скажи ей, чтоб она Влюбилась в лестницу, На которой несут труп.

Она пела:

– Если упрекнет отец
Тебя в страсти ко мне,
Скажи ему, чтобы он
Загорелся такой страстью
К надгробной плите.

А потом, поднявшись на Верблюд-скалу в холодную зимнюю ночь, перед смертью спели вместе: Вот бы теплый день настал, Чтоб согрелася земля. Нам мужем-женой бы стать, Чтоб согрелися тела. Чем с нелюбимыми жить, Лучше в могиле сгнить. А с любовью и в могиле, Как в раю, а не во мгле.

- У каждой нации свои эмоции! сказала Анфиса с видом знатока, нарочно не замечая во всем этом ничего примечательного, хотя песни влюбленных тронули ее властную душу.
- Беда только тогда, когда эмоции выпрыгивают из штанов разума. Но не все так плохо, если у вас есть время думать, что все так плохо! закатился смехом Семеныч.

У Култум невольно выскочило:

– У нас говорят: «Не так живи, как хочется, а как Аллах велит»!

Она и сама удивилась, почему такое пришло ей на ум. В душу закралась тревога: «Как это, если мне хочется за Максуда, а Аллах не велит? Покориться, что ли?! Почему мое желание и воля Аллаха не могут совпасть? Ну а если не совпадут? Вдруг и родители мои не захотят этого, видя в нем разведенца? Тогда брошусь с Верблюд-скалы — вассалам, вакалам!» — сама себя успокоила было Култум, как Анфиса насмешливо задала вопрос:

 Откуда ты знаешь, что велит тебе твой Аллах?

Култум, словно уличенная в дурных мыслях, испугалась и притворно закашляла, растягивая время для раздумий. Вай, как не хотелось ей, чтобы подруга догадалась, о чем она думает! Но, как это обычно бывает в минуты опасности и большого напряжения, мысль ее заработала остро и послушно, будто одним нажатием пальца переключала телевизор с мрачной волны на веселую.

- Сказать, Семеныч? все еще вымученно улыбнулась она, спеша настроить разговор на нужный ей лад.
- Мне всегда приятно слышать и слушать твой бархатно-ангельский голосок! впервые выдал свое восхищение ее голосом Семеныч.

- Мой Аллах и ваш Господь велят мне пригласить вас на обед за мой счет и преподнести вам еще один сюрприз, о котором ни вы, ни подруга моя и не подозреваете.
- Как прикольно, блин! обрадовалась Анфиса.
- Ол райт! Мерси, мадам! усмехнулся гид.
- Как у вас там бают или вякают, господин Семеныч? Кажется, в тихом болоте черти копошатся или что-то в этом роде? – куражилась Анфиса.
- Глубок океан, но сердце человека еще глубже, говорят, госпожа Анфиса.

Их шутки были на руку Култум: они поддерживали ее веселый настрой.

- Вы оба мастера вертеть-крутить языком! Но с этой минуты переходите под мою юрисдикцию, как Крым под юрисдикцию России! сказала Култум подчеркнуто строгим тоном и решительно вышла вперед, давая знать, что им ничего не остается, кроме как последовать за ней. Удачно связав свой разговор с тем, о чем больше всего говорилось в народе в это время и, щеголяя словом «юрисдикция», она осталась довольна собой.
- Дай обниму тебя! кинулась к ней Анфиса.

Но Култум, приняв суровый вид, показала глазами на людей, наблюдавших за ними, и зашипела:

- Ты не в детском саду веди себя прилично.
- Я повержена подругой дней моих суровых! подняла руки Анфиса, невольно извлекая из памяти слова великого поэта, обращенные к своей няне.
- Ол райт! Ол райт! весело кивнул Семеныч в знак солидарности с подругами.

Такого поворота событий не ожидали не только Анфиса с Семенычем, но и сама Култум. Ведь сколько бы раз и с кем бы ни возникал разговор о свободе чувств и действий человека, она однозначно выражала свое отрицательное отношение к этому. Но где-то в тайнике души нет-нет да занозил вопрос: «А почему бы и нет?» Недаром говорят: и капля точит камень, если она долго долбит. Култум внутренне была готова

почувствовать себя развеселым человеком – где-то Анфисой, где-то Семенычем, а может, и сестренкой Цибац, которая хочет отнять крылья у орла и прилететь к ней.

Сфотографировавшись на фоне «Трех сестер», Култум дала обед в торгово-развлекательном центре у подножия скал. Если первый сюрприз ее заключался в том, что она пригласила их на обед, то второй состоял в другом: не спрашивая своего мнения ни у Семеныча, ни у Анфисы, она заказала гиду мясо куропатки (вспомнила, как он проговорился, что не пробовал такого мяса), подруге - перепела (ее любимое блюдо!), им обоим – грибы, запеченные в сливках и салаты с корейской морковью и фасолью, а себе (как вегетарианке!) – яички куропатки и перепелки всмятку, тушеные овощи с кусочками картофеля, лука и кабачков, лаваш с брынзой и помидорами...

Был у нее еще и третий сюрприз, который не менее удивил и очаровал Анфису с Семенычем. Она заказала бутылку отборного сиднейского вина и сама повела застолье, веселясь и веселя свою компанию, как это может делать разве только заправский тамада. Тосты следовали один за другим: за самого лучшего гида Сиднея и всей Вселенной Семеныча, самого земного олигарха на Земле обетованной Цветана и его бесподобной жены, за всех родителей... Поднимая тост за родителей, она вдруг напряглась, голос ее дрогнул. Но, к счастью, кроме самой, другие не заметили этого. А дрогнул голос потому, что к родителям в первую очередь она причислила Максуда. Сама удивившись этому, нашла оправдание себе: ведь он отец сына, а значит – родитель! Правда, он ее интересовал не как родитель... но это другая история.

– Приехать в Сидней, окунуться в этот голубой мир людей и животных, гор и долин, рек и водопадов и не почувствовать себя счастливым преступно! Сегодня я – может, и самый глупый, но и – самый счастливый человек на свете! – заключила Култум, сияя всем лицом с подрагивающей от раскованного удовольствия родинкой-чечевичкой и обволакивая бархатным взглядом горящих янтарных глаз Анфису с Семенычем.

Марьям Кабашилова

А теперь, когда все страшное Стороною обошло, Ты скажи себе тогдашнему, Что все будет хорошо,

Что загаданное сбудется, И не сбудется лишь то – Ждали снега, вдруг распутица, Зря перчатки и пальто...

Небу вечно снится облако, Парк, смирившийся с дождем. И дождю и парку по боку Что куда-то мы идем.

Хорошо ведь быть теперешним? Улыбаться и идти! Я скажу тебе, поверишь ли, Все на свете позади.

Здесь когда-то жили поэты, Это было длинное лето, Жарко спорили до рассвета, Расставаться им было жаль.

Неизменно они, раз за разом, Повторяли стихи о разном И о том, как цветочная ваза Свой выплескивала хрусталь.

А потом здесь жил иностранец, У него был диковинный ранец, Он боялся бродяг и пьяниц И газету свою читал.

Вслед за ним поселился Гриша, От жены он ушел, Ириши,

Здесь когда-то жили поэты

Потому что был третий лишний. Дальше ночь, записка и сталь.

И какая здесь только птица – Врач, артистка и продавщица – Не селилась, как говорится, Время скручивалось в спираль.

А теперь вот девочка Маша, Лет пять-шесть, но выглядит старше, Ей и вправду совсем не страшно, Как молчит за окном февраль.

Она слышит слова и фразы, Чьи-то тени, и раз за разом – Как ломают бисквит, и ваза Свой выплескивает хрусталь.

* * *

Ты меня, дорогая, за всякое там прости – За непойманных бабочек и за пойманный щебет птичий,

А придется мимо нашего старого дома идти, Постучи тихонько и мелодично.

Там уже никого, но хотя бы разбудишь то, Что как будто на патефонной игле застыло, Это сейчас мы знаем, что с нами было потом, А тогда у гаданий разных судьбу вырывали силой:

Зажигали свечи, бросали туфли и проч. Я с разбитым коленом, ты – с вечной ангиной. Помнишь, как играли? А страшные сказки, ночь? Все цветы надоели мне, кроме одной георгины,

Ой ... или розы красной с каплей нежной росы, Мы с тобою с тех пор не изменились ни грамма. Как из одуванчиков пыльных

вместе с тобой росли, А теперь, гляди, кому – мачехой, кому – мамой. Притворись ненадолго весною, Претвори эти губы в жизнь, Все равно потеряем снова То, чем больше всего дорожим.

После вечности будет утро, После будущего – рассвет, Сыплет чистая снежная пудра На футболку твою и плед.

Вот бы здесь остановка кадра: Часть окошка и ты анфас. То, что мы оставляли на завтра, Вновь сегодня сделало нас.

* * *

Друг мой, прошу, ничего обо мне не помни: что я сейчас как есть, а в детстве – полная, как я зиму ждала, чтоб с морозом, снегом, как любила Печорина и Онегина, страх помешаться (это в порядке бреда), масло льняное точно после обеда, чай облепиховый, мед и какой проварки паста. Про помидоры, которые прямо с грядки. Пиво, если вино – красное, полусладкое. Строки забудь, что в синей моей тетрадке. Как хотела в Непал будущим летом. Сколько мне было лет ну когда, ну это... Так или по любви ... и не помни, сколько Было вообще мужчин. Потому что горько Жить и знать, что ты есть где-то на свете, В те же ходишь кафе, ездишь по той же ветке, Смотришь то же кино, те же читаешь книжки, В той же куртке, джинсах и с той же стрижкой.

* * *

Слушай, забудь о том, как Авеля предал брат, Про богача, верблюда и про ушко игольное. Пусть твоя вера будет простой как квадрат, Круг или треугольник.

Только прямые линии, все остальное – вздор, Станешь равен сам квадрату гипотенузы, Пусть тебя выведет из угла Пифагор, И не свяжется жизнь ни в морской, ни в гордиев узел. Ну, вот я и вернулась, снова здравствуй, ленивый берег Каспия, пространство, пропахшее бараниной и брынзой, внутри себя живущее. Сквозь линзу былого наблюдаю я за красным

закатом, будто пролитым случайно. Кто ты, здесь обитавший от начала? Бурлит Койсу в твоем горячем горле, во снах вздымаются крутые горы, чудесности своей не замечая.

Кинжал твой страшен и острей катаны, среди людей живешь как в волчьей стае. В глазах огонь мелькнет и тлеет тускло. С лихим акцентом говоришь по-русски, а на родном замалчиваешь тайну.

* * *

Просыпаясь в мажорной гамме, Звук ритмично сучит ногами. Как ты этим потоком правишь? Мимо струн, мимо желтых клавиш Вмиг проносятся руки, руки... Взглядом истовым, жестом круглым, Без оглядки, сомнений, страха Музыкант обгоняет Баха.

* * *

Я бы хотела ответить предельно точно...
Ты спрашиваешь, о ком мои строчки,
Кто в них постоянно курит, кормит хлебом
Голубей, вглядывается в редеющее небо,
Упивается горем, окунается в горло,
Кому вызывают скорую?
Слушает рэп, страдает от скуки,
Пьет пиво, носит футболки, трогает твои руки,
Оставляет отпечатки пальцев на бокале.
В последний раз его видели на вокзале.
Отличительные приметы: бледный,

волосы треплет ветер, Любит поговорить о Хармсе, любви и смерти. Что с ним случилось? Неужели умер? Или это для рифмы со словом зуммер? Он был женат? У него были собаки или коты? Но я, правда, не знаю. Может быть, это ты?

История одной свадьбы

Вы ни разу не были в Баку в середине прошлого века? Значит, вы не могли почувствовать атмосферу вечного карнавала, которая царила в этом южном городе. Самые красивые женщины были известны по именам, и каждый их проход по городу вызывал изумление и восторг у местных жителей. В любой компании, собравшейся в бакинском доме, можно было найти представителей разных народов, говоривших на особом бакинском диалекте русского языка с вкраплениями азербайджанских слов. Причем у всех был одинаковый южный акцент: азербайджанцы, грузины, армяне, русские, евреи, лезгины, татары говорили на одном языке, и зачастую их трудно было отличить друг от друга.

Распахивались окна, и отовсюду доносились звонкие женские голоса. А какие «пижоны» ходили по Торговой! Самые лучшие нейлоновые рубашки и чулки, самые разноцветные водолазки, самые немыслимые сумки появлялись в Баку не позже, чем в других крупных городах Европы. Здесь любили жизнь и умели ею наслаждаться. Казалось, что сама погода благоволила жителям этого удивительно красивого города, расположенного у моря. Это был единственный город - столица республики, находившаяся у моря. Рига выходила на Балтийский залив, а остальные города имели лишь реки. Может быть, море как-то влияло на нравы людей? Запах йода, огромная масса воды, делающая людей более спокойными и уравновешенными. В огромной стране, занимавшей шестую часть суши, было только два таких южных города, где солнце, море, смех, вино, музыка, очаровательные женщины, красивые мужчины

перемешивались друг с другом, создавая особую и неповторимую полифоничность.

Эта история произошла в Баку в конце сороковых годов. Только недавно закончилась самая страшная война, которая когда-либо происходила на нашей планете. Тысячи похоронок, тысячи инвалидов, тысячи детей-сирот, оставшихся без родителей. Казалось, самое время ожесточиться, стать эгоистом, думать только о себе, упиваться своим горем. Но с людьми происходили удивительные метаморфозы. Соседи помогали друг другу. Незнакомые люди старались подбодрить случайного прохожего. Кража хлебных карточек у детей считалась самым постыдным поступком даже среди воров. Люди только начинали приходить в себя после изнуряюще долгой войны, затянувшейся на многие годы. Это только сейчас кажется, что война длилась целых четыре года. Четыре года – это тоже очень много, невообразимо долго и страшно. Спросите у матери, чей сын ушел на войну, узнайте у жены, мужа которой забрали на фронт, спросите у любого, кто ждал целых четыре года. И они расскажут вам, что это были самые долгие, самые длинные годы в его или ее жизни. Но на самом деле война началась еще в тридцать девятом, когда советские войска отбивали нападение японцев в Монголии. Потом была советско-финская война, на которую тоже мобилизовали тысячи мужчин. Затем - Великая Отечественная. Едва она закончилась, как многие части начали снова перебрасывать на Дальний Восток, против Японии. И только в сорок седьмом, сорок восьмом, сорок девятом начали возвращаться

домой ветераны. Повзрослевшие дети не узнавали отцов. Но это были самые счастливые дети.

Многие так и не дождались возвращения с фронта своих близких. Многие так и выросли, никогда не увидев своих отцов. Гордые бакинские женщины выходили на дороги, набрасывая на головы келагаи, и пытливо всматривались в каждого прохожего. Тысячами получали сообщения о пропавших без вести родных и близких. И они тоже ждали своих мужчин, надеясь вопреки всякому здравому смыслу на чудо. И чудеса иногда происходили.

Может, поэтому в те годы люди воспринимали боль соседей как свою собственную и умели радоваться сообща. Это были особые бакинские дворы со своим неповторимым внутренним пространством. В одном из таких дворов на Дивичинской жило несколько бакинских семей.

Этот дом был построен в начале двадцатого века известным человеком Каблеи Дамиром, которого уважали не только потому, что он побывал в Кербеле. Этот строгий мужчина, владелец дома, был отцом многочисленного семейства. Но после революции в доме произошли некоторые изменения. Ему оставили несколько комнат, конфисковав остальные. Можно считать, что ему повезло, так как у него была большая семья и ему оставили три большие комнаты. Каблеи Дамир никогда не выступал против режима, и поэтому новая власть решила проявить столь не свойственное ей впоследствии благоразумие. В остальных помещениях поселились новые жильцы.

Первой появилась семья тетя Берты, которая прибыла из Воронежа вместе с мужем, бывшим политруком агитационного поезда имени товарища Фридриха Энгельса. В другой части дома поселился старый лезгин Мустафа с пятью детьми и вечно беременной женой. В пристройке, бывшей когда-то комнатой для гостей и перестроенной уже в двадцатые годы, жил татарин Хабибулла, приехавший в Баку из Казани и женившийся на украинке Галине, которая научилась готовить бакинские блюда ничуть не хуже местных женщин.

Так они все и жили в этом дворе. Иногда ссорились, иногда спорили, но никогда не доводили дело до серьезных столкновений. В этом дворике отмечали все праздники вместе - Навруз-байрам, Курбан-байрам, православную Пасху, еврейскую Пасху. Разумеется, отмечали Первое мая и 7 ноября, Новый год; и даже в ленинские субботники все вместе выходили чистить и без того чистый двор, а женщины почемуто выбивали в этот день свои ковры. Чаще всего вместе пили чай под старой чинарой. Мужчины играли в нарды, женщины стирали белье, судачили о своих детях, ценах на рынке, о вернувшемся из Германии и ставшем инвалидом войны Гусейнбале, который без ног умудрился жениться во второй раз.

Гусейнбала был хороший жестянщик и снимал комнату у Мустафы, оплачивая ее из собственных средств. Такой мастер, как он, всегда мог найти работу, обеспечивая не только себя и свою новую жену с ее двумя детьми, но также и прежнюю супругу, от которой имел сына. В те времена безногий жестянщик был символом благополучия и вполне мог прокормить сразу две семьи. Его жена Фатима сразу пришлась по душе всем соседям. Они уже знали, что она мать близнецов, которые никогда не видели своего отца. Свадьба состоялась в пятницу, двадцатого июня сорок первого года, а через два дня началась война и мужа Фатимы забрали на фронт. Его убили в сентябре сорок первого. В марте сорок второго она родила двух мальчиков. Фатиму уважали и за ее трудную судьбу, и за ее молчаливую покорность. Она помогала всем соседям, ее мальчики всегда были аккуратно и чисто одеты. Но никто и никогда не видел, чтобы она смеялась. Говорили, что она очень любила своего первого мужа.

Муж тети Берты умер в тридцать пятом. Ему было всего сорок два года, но он сильно болел – сказывалось революционное прошлое, – и открывшаяся язва убила его. Наверно, ему отчасти повезло, его хоронили с оркестром, а на могиле установили памятный знак с красной звездой и произнесли немало хороших слов. Кто знает,

проживи он еще несколько лет, не обвинили бы его в каком-нибудь вредительстве или не установили бы, что он был одновременно японским, корейским и германским шпионом? А так тетя Берта получала хорошую пенсию, и ее даже несколько раз приглашали в местные школы выступать с рассказами о героическом муже.

В тридцать девятом, словно предчувствуя войну, в Баку переехала ее старая мама из Воронежа. Тете Рахили было уже под семьдесят, но она сохраняла ясный ум и довольно быстро вписалась в дружный коллектив бакинского дворика на Дивичинской. Должен отметить, что эта улица, находившаяся рядом с кинотеатром имени Двадцать восьмого апреля, построенным здесь уже после войны, называлась так изза верблюдов, которые останавливались в этом месте в начале века. На самом деле она была Давячинской, но со временем ее стали называть Дивичинской.

У тети Рахили была лишь одна существенная особенность, отличавшая ее от других: она ходила в синагогу. Это было невозможно, неправильно, неразумно на двадцать пятом году революции. Тетя Берта ее все время отговаривала, но никак не могла убедить. Тетя Рахиль кормила мацой весь бакинский дворик, она никогда не скрывала, что была набожной женщиной и уважительно относилась к христианке Галине, шиитам Гусейнбале и Каблеи Дамиру, суннитам Мустафе и Хабибулле, хотя ни один из них подобной набожностью не отличался.

В сорок втором им пришло трагическое известие: сын тети Рахили, брат тети Берты Борис пропал без вести на Юго-Западном фронте. Там как раз в это время шли самые ожесточенные бои. Тетя Рахиль, до того жизнерадостная и энергичная, вмиг постарела на несколько лет. Весь двор утешал ее, понимая, что такое несчастье может коснуться всех. Гусейнбала тогда еще во дворе не жил, но двое сыновей Мустафы ушли на фронт в сорок первом, а в сорок третьем несчастный отец получил похоронку на старшего. Однако нужно было знать тетю Рахиль. Она не могла и не хоте-

ла смиряться. Теперь она еще чаще посещала синагогу, словно пытаясь вымолить у Бога жизнь своего сына. И дочь уже не возражала против частых походов в синагогу. Да и сама власть словно поменялась. Людям, настрадавшимся за время войны, стали разрешать посещать церкви, мечети, синагоги. Даже самая безбожная власть понимала, что им в такой момент нужно помочь найти утешение.

Девятого мая сорок пятого пришло сообщение о Победе. В этот день все плакали. Кто жил в Баку в середине прошлого века, может подтвердить, что такое случалось в городе лишь два раза. В первый раз девятого мая сорок пятого – от радости, и во второй – в марте пятьдесят третьего, когда умер Сталин. Тогда всем казалось, что жизнь не сможет продолжаться без «вождя», и многие искренне горевали.

В День Победы тетя Рахиль уговорила дочь отправиться вместе с ней в синагогу. Тетя Берта не была набожной женщиной, она была вдовой члена партии и атеисткой. Но в тот день согласилась пойти с матерью в синагогу. И впервые искренне попросила у Бога, чтобы ее брат нашелся. И он каким-то чудом нашелся. В конце сорок шестого они получили абсолютно, казалось, невозможное известие: ее брат Борис возвращается домой. Почему это казалось им невозможным? Потому что Борис был обрезанным евреем, а это в плену означало верную смерть. Оказалось, что Борис действительно попал в плен, но выдал себя за мусульманина. К тому времени фашисты уже усвоили разницу между евреями и мусульманами. Бориса отправили в концлагерь, по дороге он сбежал. Затем примкнул к партизанам в Югославии и воевал до сорок пятого. В мае пытался пробиться к своим, но был тяжело ранен и лишь в сорок шестом сумел настоять на отправке домой. С того дня тетя Берта стала часто заходить в синагогу. Вскоре приехал и Борис. Весь двор радовался за помолодевшую тетю Рахиль.

В мае сорок девятого должна была состояться свадьба старшей дочери Каблеи Дамира. К свадьбе готовились загодя, как и полагается в хороших бакинских семьях. Сначала в доме появились свахи, которые получили согласие на переговоры. За ними пришли мужчины. Они долго сидели за столом напротив мужчин из семьи Каблеи Дамира. В конце встречи подали сладкий чай, а это означало, что семья девушки согласна выдать ее замуж. Затем начался обмен подарками. В сорок девятом обычный кусок мыла или небольшой кусок материи были большой ценностью. Семьи старались, как могли. Свадьба была назначена на шестнадцатое мая. Получить молодого мужа в сорок девятом было почти чудом. На десять девушек в стране приходились не больше трех-четырех молодых людей.

Свадьба должна была состояться во дворе дома невесты. Готовились столы, завозилось мясо из соседних бакинских сел. Каждый старался, как мог, свадьба обещала быть веселой и многочисленной, почти на сто человек. Это сейчас все привыкли к шумным застольям на пятьсот или шестьсот человек в особняках с пластмассовой лепниной. А тогда и двадцать человек казалось много. Ну а сто – почти невероятная цифра.

Разумеется, на свадьбу пригласили и всех соседей. Каждый готовился к событию по-своему. Только тетя Берта была несколько не в духе. В последние дни ее мать часто болела. Тете Рахили было уже под восемьдесят. Тринадцатого и четырнадцатого мая к ней вызывали «скорую помощь». Она отказывалась ехать в больницу, считая, что не имеет права покидать дом в такой торжественный момент. Пятнадцатого мая ей стало лучше. Она даже ходила по комнате, успокаивая дочь. А шестнадцатого утром, когда во дворе уже раздавались голоса женщин, начавших расставлять стулья, Берта подошла к матери и с ужасом увидела, что та умерла. Умерла во сне, как праведница, как умирают очень счастливые люди, с улыбкой на устах.

Тетя Берта задернула занавески и села у изголовья кровати. Перед ней стояла очень непростая дилемма. Согласно строгим канонам иудейской религии, покойную

следовало похоронить до заката солнца. С другой стороны, сейчас о смерти матери нельзя объявлять: придется отменять свадьбу, к которой столько готовились, испортить людям праздник, возможно, даже всю жизнь. Они навсегда запомнят случившееся и уже никогда не смогут быть счастливы. Берта сидела и плакала, а время шло неумолимо. За окном раздавались крики и радостные поздравления прибывавших гостей. Вскоре появились и молодые. Несколько раз в Бертино окно стучала мать невесты, приглашая на свадебную церемонию. Берта решилась. Она поднялась, накрыла мать свежей простыней, умылась, переоделась и, взяв заранее приготовленный подарок, вышла во двор.

В тот вечер ни один человек не узнал о случившемся в доме Берты. Она улыбалась, поздравляла молодых, даже выпила за их здоровье. И всем говорила, что ее мать просто плохо себя чувствует. Вернувшись в свою комнату поздно вечером, она подошла к телу, села рядом и начала рассказывать о свадьбе, словно мать могла ее услышать. На следующее утро Берта объявила, что ее мать ночью умерла. Кажется, никто из соседей даже не догадался, но мать невесты, войдя в комнату и почувствовав характерный запах, подошла к Берте и, обняв соседку, долго плакала, словно благодарила.

Эта подлинная история случилась в доме моего деда Каблеи Дамира на Дивичинской. Рассказала мне ее моя бабушка. Я не очень верю в потусторонний мир, но абсолютно точно знаю, что мать Берты, набожная Рахиль могла попасть только в Рай. А свадьба оказалась счастливой. Молодожены прожили вместе почти полвека. У них было пятеро детей и восемь внуков. Сейчас есть даже правнуки.

Берта умерла через тридцать лет. Ее оплакивали всем двором. Я был на ее похоронах и помню улыбку на ее лице. Может, Бог простил ее семье воинствующий атеизм, ведь она совершила праведный поступок. Наверняка она встретилась и со своей матерью, и с мужем в том мире, откуда не возвращаются. Я хочу в это верить.

Герман Садулаев

когда звонишь мертвым

Проснулся, когда смеркалось. В целом доме не было никого. Вышел на веранду и во двор. Никого не было. Нигде. Я понял, что меня оставили. Меня оставили все, одного, навсегда. Почему они оставили меня? Куда все подевались, пока я спал? Что я сделал? Где все? Некоторые предметы были разбросаны, как если бы они собирались в спешке. Чтобы уйти, пока я не проснусь. А сколько я спал и почему проснулся только сейчас, к вечеру?

Мать, отец, сестры, дядя – все пропали. Как же я буду теперь один? Как я со всем управлюсь?

В сарае замычала корова. Я подумал, что время дойки, а я не могу доить, не умею, корову всегда доили сестры. Я могу кормить корову, могу выгребать навоз, но я не умею доить! А, значит, она так и будет мычать, мучиться. Мычать и мучиться, мучиться и мычать. И мучить меня мычанием. О!

Вдруг корова перестала мычать, я услышал звон, такой звон, который бывает, только когда струя теплого молока ударяет в подставленное под вымя эмалированное ведро. Значит, кто-то остался! Кто-то доит корову!

Я побежал к сараю, открыл дверь и заглянул внутрь. Я увидел, что нашу корову доит тетя Мария, соседка. Тетя Мария была дородная и румяная женщина из Омска, где у нее остались родители и все близкие. Она вышла сюда замуж и родила пятерых детей. И жили они ближе всех к нам, через хлипкий забор только. И веранды наши были смежные, а дверь между верандами не закрывалась никогда. Тетя Мария ходила к нам в гости и приносила молоко, когда наша корова была недойная. А когда наша корова была дойная, тетя Мария раз в неделю выдаивала ее, из жалости, потому что сестры мои доили неумело, и не выдаивали до конца, отчего корова могла заболеть. Еще тете Марии на наш телефон звонила ее омская родня. Тогда мы бежали звать ее, а она спешила и очень радовалась.

Я вспомнил, что тетя Мария умерла два года назад, и проснулся.

Очень хотелось пить.

Очень хотелось пить, и я обошел дом, я пришел к крану с водой, который есть в нашем дворе, с другой стороны дома. Рядом с краном есть железная кружка, я смогу попить воды, сырой и холод-

ной. Вкусной. Водокачка стоит прямо на роднике, источнике. Я завернул за дом и увидел Учителя.

Там был Учитель. И я упал ниц.

Он сказал, что мне совсем не обязательно так ему кланяться, падать прямым как палка, чтобы выразить свое почтение. Потому что я теперь мирской человек, а для мирских людей это вовсе не обязательно. Я сказал, что мне хотелось поклониться ему так. Что я виноват, я подвел его, я пропал и мне очень плохо.

Он сказал, что я его не подвел и не пропал, я сделал все, что должен был сделать. Я уже сделал все, выполнил свое предназначение. А теперь я просто доживаю эту жизнь. Поэтому так тоскливо. Он сказал: «Многие так. Выполняют свое предназначение, завершают миссию, может, за год или два, а потом просто живут, доживают эту жизнь. Долгие годы, иногда до самой глубокой старости. Это уже как повезет. Вроде как если ты поедешь в чужой город с важным заданием. Сделаешь то, что должен сделать. А потом ждешь поезда. Сидишь на скамейке, прогуливаешься по перрону. Или по улице, разглядываешь витрины. Можно сходить в кино. Делать-то тут больше нечего! А обратный поезд – это смотря, какое время в билете. Можно и надолго застрять».

Он был очень добрый, Учитель, и мне стало хорошо. Я еще хотел его спросить, но проснулся.

Почему-то совсем не хотелось пить, но я встал и насильно влил в себя полстакана тепловатой кипяченой воды из электрического чайника на кухне. Вода была невкусная.

Мне стало хорошо. Вода разбавила алкоголь в моем организме, и новая доза поступила в кровь и в мозг. У меня не бывает похмелья. Мне всегда хорошо наутро. У меня бывает похмелье, только если я ничего не пил вчера.

В последнее время такое похмелье случается со мной очень редко.

Нужно только иметь достаточно жидкости по утрам. До самого обеда надо много пить, чтобы заново бодяжить внутренний алкоголь.

На улице было не очень солнечно, скорее облачно и хмуро, но я надел темные солнечные очки. Я всегда надеваю темные солнечные очки по утрам, если только у меня нет похмелья. В темных очках хорошо, яркий дневной свет не так давит на глазные яблоки, как если снять очки. В очках всегда сумрачно и уютно.

В этих темных очках я, видимо, похож на наркомана. Девушка у метро сунула мне в руки листовку. Листовка была о вреде героина. О том, что меня ждет, если я буду употреблять героин. По ней выходило, что платой за героиновый кайф будут: бессонница, панкреатит, гастрит, гнилые зубы, импотенция, депрессия, преждевременная старость. Я снял на минуту очки и посмотрел на свое отражение в темном стекле вагона метро. У меня бессонница – которую я лечу алкоголем, панкреатит – который я ничем не лечу, гастрит – который я усугубляю острой пищей, гнилые зубы – сколько бы я их ни лечил, импотенция – просто потому что не стоит, депрессия – а как иначе, когда жизнь такое дерьмо, и старость, да, – хотя еще не дотянул до сорока.

При этом я ни разу в жизни не кололся героином.

Значит, я все просрал.

А ведь у меня, по крайней мере, мог быть геро-иновый кайф! Все эти годы!..

Я даже пить начал не так давно.

Еще лет пять назад я пил довольно редко. А если посмотреть лет двенадцать назад, так и вовсе не пил.

Пить я смогу еще долго. Потому что я умею пить. Да, я подхожу к этому процессу разумно. Главное – утром нужно употреблять много жидкости и желательно ничего не есть. Поесть можно будет где-нибудь во второй половине дня. А пить надо постоянно. Очень помогает айран – этот кисломолочный напиток, который пили еще воины Чингисхана. В Ясе, своде правил, который оставил нам Темучин, сказано, что можно напиваться раз в месяц. Но можно ведь и каждый день – если не так, как раз в месяц. А айран помогает наутро, всегда помогал, со времен Чингисхана.

Я думаю, что я чингизид. Я один из потомков Темучина. Недаром же я так похож на него, когда у меня отрастают усы и бородка! Нас тысячи и миллионы чингизидов на этой земле. Потому что многие роды вымерли, не оставив потомков, а род Темучина завоевал эту землю. У Темучина было сто детей, у каждого из его детей было десять своих, так что уже внуков у Темучина была целая тысяча. Его правнуков было количеством десять тысяч, и через три поколения число потомков Чингиза перевалило за миллион.

Мы все – чингизиды, и мы должны жить по Ясе, которую дал нам наш вождь. Напиваться каждый месяц. А можно и каждый день.

Потому что мы уже завоевали весь мир и теперь нам просто нечего больше делать. Миссия выполнена.

Я зашел в магазин, не снимая очков, и попросил тан айран. Очень нужен по утрам человеку тан айран! Я сказал этот стих, и продавцы улыбнулись. Они тоже были раскосые и злые, как чингизиды.

Потом я думал про сон.

Когда-то в детстве, очень давно, со мной случился припадок эпилепсии. Этот день остался самым ярким воспоминанием в моей жизни. Было лето, я проснулся поздно, дома никого не было. Все, наверное, работали в огороде. Сквозь стекла светило солнце, зеленые ветви деревьев плыли на мягком ветру, пели и щебетали птицы. Я шел босиком по теплому полу веранды. И как-то сразу, волной тепла и сияния проникло внутрь, я распахнул глаза, я даже поднял руки, я почувствовал жизнь и счастье, и всю вселенную, и она была совершенной, лучшей из миров, и гармония - она не знала границ и пределов, и все это вместе было любовью, блаженством, и Бог был рядом со мной и держал меня в Своих ладонях. И мне захотелось сказать об этом, спеть, мне захотелось кричать от радости!

Но я не смог закричать, потому что я не смог набрать воздуха в легкие. Мою грудную клетку парализовало, плечи застыли как камень, диафрагма не двигалась.

Потом я хотел закричать от страха, хотел позвать кого-нибудь на помощь, но я не мог дышать. Я лишь слабо хрипел и упал, потеряв сознание.

Меня нашли на веранде еще живым, как-то откачали и повезли в больницу. В больнице я лежал целый месяц или даже больше. Меня лечили от какой-то «жидкости в легких», хотя никакие анализы и снимки диагноз не подтверждали. Потом меня просто выписали.

В больнице я завел некрепкую дружбу с курчавым грузинским мальчиком и испытал слабые эротические чувства по отношению к девочке из соседнего корпуса. Она выглядела бледной, утонченной, благородной и романтичной – ее лечили от почечной недостаточности.

Второй раз меня увезли на скорой, когда мне было лет 25-26. Приступ настиг меня дома. Это был сначала не то чтобы припадок. У меня были боли, рвота, лихорадка. Может, простыл или отравился. Но это все спровоцировало кризис, и я опять перестал дышать и потерял сознание.

Жена вызвала скорую, скорая привезла меня в приемный покой и выкинула в холодной комнате на голую кушетку. Была зима. Я раздетый, температура в комнате чуть выше нуля, у меня лихорадка, я лежу на кушетке, и меня трясет. Час, другой, третий. Когда я уже почти умер, за мной приехала тележка и отвезла в палату наверх. В палате было тепло, кровать с одеялом, мне вкололи что-то приятное, и я уснул. Счастье есть, да!

На этот раз врачи решили, что дело в моем желудке, и принялись его исследовать. Анализов было недостаточно, и мне сделали гастроэнтероскопию – кто знает, что это такое, того наверняка

уже передернуло от одного слова. Ты заглатываешь шланг с трубкой, чтобы доктор посмотрел на твое чрево изнутри.

Доктор там ничего не увидел. И анализы не дали никаких результатов. Никто не мог поставить мне диагноз, тем не менее, меня от чего-то лечили. Ставили капельницы и делали уколы.

Один раз ко мне пришел друг и принес пару яблок. И еще один раз за все время ко мне пришла жена. Жена не принесла никакой еды, но принесла на руках ребенка. Она сказала, что ребенка не с кем оставить, поэтому она не может часто приходить в больницу. И еды она не принесла, потому что еды нет. Она спросила, нет ли у меня

ребенком нечего есть.

У меня не было денег, все деньги остались дома, я не думал, что они закончатся так быстро. Впрочем, это все равно были совсем небольшие деньги, мы жили со дня на день, никаких накоплений.

денег, потому что у нее деньги закончились, и ей с

На следующий день я ушел из больницы. Не выписывался, даже не сказал врачу. Спустился по лестнице черного хода, переоделся и вышел. Я сразу пошел на работу и скоро добыл немного денег.

Больше я не ложился в больницы. А когда получил деньги за немецкий перевод, то положил их в конверт, запечатал и отложил на случай, если я заболею или умру.

Недавно со мной опять случился приступ, но совсем маленький. Я собирался на работу, успел принять душ и рухнул уже в дверях. Не мог дышать.

В детстве мы рассказывали анекдот про динозавров, которые умерли, потому что забыли, как дышать. Со мной теперь тоже такое бывает.

Я это все про эпилепсию. Или параэпилепсию, как считают некоторые врачи. Вообще в этом вопросе много споров. Но, так или иначе. Позже я узнал про «священное безумие» и обычных «предвестников» – эйфорию перед припадком. Многие великие люди страдали такой болезнью. Достоевский страдал и Гоголь. Наполеон и Чингисхан, конечно, тоже. А еще мой сосед по улице в детстве. Сосед, правда, ничем другим не прославился. Он был тихий и глупый. Но регулярно падал на асфальт и пускал пену изо рта, а подбегавшие люди вытаскивали его язык, чтобы он не задохнулся.

И какое это все имеет отношение к моему сну. Начало сна: пустой дом, никого нет, я выхожу на веранду. Это обстоятельства первого припадка, и этот сюжет постоянно повторяется в моих снах. А дальше страх, одиночество. Еще дальше — чувство вины, которое снимает Учитель. Спасительное третье «Я» в структуре моей личности. Примерно так можно все это понимать.

А можно и по-другому.

Ведь в этом сне были коровы. И тетя Мария.

Вдруг я понял, что сегодня именно такой день. День, когда ты звонишь мертвым.

Утром я сидел на краю разобранной постели в квартире и держал двумя руками голову. Я держал ее, чтобы она не треснула посередине как перезрелый арбуз, а заодно, чтобы она не отломилась от шеи, как тыква от пересохшей пуповины стебля, ползущего по осеннему огороду.

Потом решил себя занять и взял в руки телефон. Надо было срочно что-нибудь привести в порядок. Прибраться в комнате? На это у меня не хватило бы сил. И я подумал прибраться в мобильном телефоне. Стер все СМС во всех папках. Фотографии, снятые на зыбкую и мутную встроенную камеру. И принялся за список контактов.

Удалить. Вы уверены, что хотите удалить контакт? Да.

Удалить. Вы уверены, что хотите удалить контакт? Да.

Удалить. Вы уверены, что хотите удалить контакт? Да.

Удалить. Вы уверены, что хотите удалить контакт?..

Черт побери, да, да, да! Я уверен, я хочу удалить к чертовой матери!

Едва не выбрал опцию «удалить все».

Но на следующем контакте палец замер над кнопкой.

– Хочешь удалить этот контакт?..

Ну вот, опять... Стоп!.. Кто сказал это... вслух?! Дочертыхался, вот и он, легок на помине!

Обернулся и увидел: он забрался с ногами на постель и смотрел в дисплей телефона из-за моего левого плеча.

- Ты хочешь удалить этот контакт?

Молча кивнул.

- Почему?..
- Он мертвый.
- В каком смысле? Пропал, не звонит, не перезванивает, не отвечает на СМС?
- *И* в этом тоже. Но не только. Он умер. Этот человек по-настоящему умер. Навсегда.
 - A!..
 - Да, вот так ...
- И что, много у тебя таких ... мертвых контактов?
- Пока всего несколько. Но их будет становиться все больше и больше, с каждым годом. Если только я сам не стану раньше мертвым контактом в чьем-то мобильном телефоне.

Черт кивнул с понимающим видом и стал усиленно чесать свою лохматую голову, словно в ней на самом деле завелись вши. Потом он сказал, просто и как бы между прочим:

- А ты не стирай.
- **?..**

- Разве ты не хочешь позвонить им, хотя бы еще раз? Разве ты не думал часами о том, что что-то не успел сказать каждому из них, твоих мертвых?
 - 555
 - Бестолочь.
 - Кто? Я бестолочь?
- Гляди, язык развязался. Ты бестолочь, кто же еще? И черт с размаху отвесил мне подзатыльник скорее обидный, чем болезненный.
 - Ну, ты, это ... руки не распускай!
- Руки? Где ты видишь руки? И черт показал мне пару своих лап когтистых и волосатых, он показал их сначала ладошками вниз, потом ладошками вверх, как дети показывают, что вымыли руки перед едой.
 - Это софизм.

Черт устало махнул рукой, вроде как ему надоела эта тема про подзатыльники и руки с лапами, и совсем не это он собирался сказать.

- Ты наверняка слышал про то, что раз в год и незаряженное ружье стреляет!?
 - Ага. А еще папоротник цветет.
- Не. Про папоротник это брехня все. Папоротниковые размножаются спорами, как грибы, и цветов у них не бывает. Это тебе любой ботаник скажет. Или даже просто школьник, если он, конечно, не двоечник и не бестолочь...
- Даже не думай шлепнуть меня еще раз! Я знаю такие мантры, что ты вот тут прямо сейчас превратишься в щепотку пепла!
- Очень надо было... черт сделал вид, что обиженно отворачивается, а сам украдкой почесал одну лапу о другую. Какой чувствительный нашелся! Так вот, папоротник не цветет. А ружье действительно стреляет, раз в год, незаряженное. От этого много людей погибает вроде как случайно, но случайностей-то нет, ты знаешь, а есть карма. И телефон тоже, звонит. Раз в год. Даже у мертвых.

Черт придвинулся ко мне и обнял, но осторожно, поглядывая на мои губы, не шепчут ли они мантру, и на руки, не складываются ли они в мудру, священный и магический жест.

- Вот ты, например. Ты же любишь, когда тебе звонят? Ждешь этого?
- Раньше любил. И ждал. Я ждал, что мне позвонят и скажут: ну, давай уже, хватит... того... мы ждем, и все такое. Без тебя никак. Ты нам очень нужен. Я долго ждал. Никто не звонил. И я перестал ждать. Теперь, когда звонит телефон, я не радуюсь. Всем этим людям, которые мне звонят, я, конечно, тоже нужен. Но совсем не так, не потому и не для того, о чем я мечтал.

Черт вздохнул, изображая сочувствие и понимание на своей подвижной морде. По комнате распространился запах сероводорода. Я непроизвольно поморщился. Черт заметил и вынул откуда-то упаковку жевательной резинки «Адское ды-

хание». Показал мне и состроил гримасу: дескать, заставляют жевать эту гадость. Служба такая!

И тут же сменил выражение на романтическое и задумчивое:

- А знаешь, как, бывает, там ждут звонка! Повсюду носят свои мобильные телефоны. Ведь там бывает, что очень надолго и совершенно нечего делать! Нечего даже почитать. Только и читают, что свои старые СМС, даже если давно помнят их наизусть. И ждут, что кто-нибудь когда-нибудь позвонит. А никто не звонит. Даже в день, когда телефоны работают.
 - Да как же они работают... там?
 - Так это... роуминг!
 - А, ну да.
 - Ага.
 - Роуминг.
 - Он самый.
 - Всегда это подозревал.
 - Что?..
- Про Роуминг. Что это имя демона, который носит слова по воздуху на далекие расстояния. Оказывается еще и между мирами. Да и вся сотовая связь это бесята, снующие между трубками. И еще про самолеты как же они летают, а крыльями не машут? Я понял: их таскают по небу специальные демоны.
- Ты слишком много знаешь. Тебе, наверное, трудно жить.
 - Я знаю.
- А ты подумай, что это не обязательно бесы ... а вдруг это, как это, ну ангелы, например...
 - Ага.
- Ну вот. В обычный день, если ты позвонишь мертвому человеку, тебе ответят длинные гудки. Или музыка, если он успел поставить музыку вместо гудков. Или специально обученная девушка скажет, что абонент вне зоны действия сети. Или что номер отключен или не используется. Или что в сети нет уже такого номера. Реже бывает, что ответит совершенно другой человек. Потому что никто не берет симку мертвого человека, ее кладут в гроб, закапывают или сжигают вместе с покойником, как раньше ножи, горшки и другие самые нужные человеку вещи. А в день, когда работает Роуминг, ты просто набираешь этот номер и происходит Соединение. И можно услышать голос с той стороны.
 - И как же я узнаю?!
 - Что?
 - Как я узнаю, когда наступит тот день?
- Ну, узнаешь как-нибудь. Может, тебе больше некому будет звонить, некому из тех, кто еще жив. Может, ты встретишь своего мертвого человека на улице, мельком, он будет идти мимо, и ты подумаешь: «Он?» И еще подумаешь: «Может, позвонить?» Или вот еще, например: тебе часто снятся... ну, коровы?
 - Коровы? Какие коровы?

- Откуда я знаю? Это же твои сны и твои коровы. И мертвые твои. Что, думаешь, я должен знать всех твоих коров по именам?
- Нет, совсем не часто. По правде говоря, практически никогда.
 - Ну вот. А тут приснятся.
 - Почему коровы?
- Да это я так, к примеру. Может, и не коровы совсем ...

* * *

Время научило меня разговаривать с мертвыми. Это произошло, когда «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Да, лет в тридцать пять. Это половина жизни. Никто ведь не думает всерьез, что будет жить до ста лет. И когда времени от начала становится больше, чем до конца, когда ты становишься ближе к смерти, чем к рождению, ближе к мертвым, то начинаешь слышать их голоса, а они слышат твой.

Раньше я ничего не слышал. И не понимал. Когда приходил на кладбище, то скучал и недоумевал, слушая, как взрослые разговаривают с крестами или памятниками, поглаживают траву, как волосы, наливают воды в плошку и все рассказывают, рассказывают: что с кем случилось, кто женился, у кого родилась дочь. А кто и преставился, так вы, наверно, свиделись уже...

Когда в Москве хоронили Илью, я не смог приехать. Все произошло быстро. Его тело доставили из Англии, из хосписа, в котором его не стало. Друг, бывший с ним до конца, утверждал, что Илья принял перед смертью ислам. Вдова и какието еще люди настаивали на христианском обряде. Похороны были гражданскими.

Я приехал в Москву через несколько дней. Позвонил бывшей сотруднице закрытого издательства Ильи. Она рассказала, на каком кладбище и как найти могилу.

Это было зимой, землю покрывал густой и глубокий снег. И на могиле был снег. Снег и венки. Кусок арматуры и табличка. Памятника не было. Памятник не ставят сразу. Сначала гроб с трупом должны сгнить и провалиться, могила — осесть. Только потом ставят памятник, чтобы его не покосило. Так делают всегда. Люди практичны, даже своих мертвых обустраивают наверняка.

Я встал в снег, положил две гвоздики к засыпанным снегом венкам. Потом достал из кармана пальто две чекушки водки. Открыл обе. Одну поставил у могилки – не знаю, Илья, может, если ты принял такую веру, тебе нельзя пить водку? С другой стороны, тебе уже все можно. А я по любому выпью. С тобой и за тебя.

Я отхлебнул сразу на четверть и закусил глотком холодного воздуха.

«Так вот, что я хотел тебе сказать, Илья, когда ты лежал в хосписе, я очень хотел позвонить, правда!.. Каждый день думал – позвоню сегодня!..»

Так я и сам не заметил, как стал разговаривать с могилой, как никогда не делал раньше, не умел. Не понимал и не слышал. Потому что был далеко, наверное. Теперь я гораздо ближе, теперь слышу.

«...Нет, ну честно, я собирался позвонить! Я вот только думал: а что я скажу тебе? Типа: держись, брат, все будет хорошо! И это... поправляйся?! Какое «поправляйся», когда метастазы пошли?..

Понимаешь, я не могу в таких делах врать, подбадривать, ну и все такое. То есть я, может, верю, что все будет хорошо. Как раз таки я в это верю! Просто мое "хорошо", оно отличается. И ему совсем не мешает смерть. Скорее, смерть – часть плана, по которому потом все обязательно станет хорошо. Я, Илья, когда был еще ребенком, совсем маленьким, если меня обижали или просто становилось грустно, я тогда думал себе: "ничего, это все ничего, все равно я умру".

И становилось так сразу легко и спокойно. И так мелко, так ничтожно все остальное. Подумаешь, двойка... умру ведь! А тут – двойка!

И это такой оптимизм, правда! Только люди не понимают. Они считают меня мрачным пессимистом. А я не пойму, почему? Если я рад, что умру, то в чем тут мрачность, в чем пессимизм? Все равно ведь умру! И когда не рад этому, то тогда только горше! Вот уж точно мрачная депрессуха! А если подумать, то почему рад тому, что умру? Да потому, что знаю – после смерти буду жить вечно!

А те, которые думают, что после смерти сразу умрут и больше ничего не будет, и боятся смерти, и говорят: нет, нет, не сейчас! – вот они пессимисты!

Я знаю, путано говорю. Я сейчас еще выпью, чтобы слова лучше связывались».

Выпил и колким воздухом заглотнул.

«Я давно заметил, что люди меня не понимают. Например, не понимают моих шуток. Я сказал своему дантисту:

Поставьте мне зубной протез так, на живой корень.

Она говорит:

– Давайте лучше сделаем имплантат, имплантат– это навечно!

Я ответил:

– Мне не нужен вечный протез. Я не собираюсь жить вечно.

Правда ведь, хорошая шутка?

А она смутилась:

– Что вы говорите, вы еще такой молодой ...

А что я такого сказал? Разве это неправда, что я умру? И зачем мне тогда вечные зубы? Зачем мне вообще что-нибудь вечное здесь, когда вечным я буду в другом месте? Вот там и надо копить себе богатства, открывать счета, накопительные, депозиты, пакеты акций скупать, обзавестись недвижимостью, и можно даже вставить себе зуб. Вечный.

А ты понимал! Ты сам был такой, только лучше! Я мог бы сказать тебе все так, как думаю. Но...

все же чего-то боялся. А надо было попробовать. Попробовать начать говорить, а там... там все бы само... – и ведь это было так просто! Вот он, твой номер, до сих пор в моем телефоне. Только не ответит больше никто. Не поднимет трубку – "Абонент вне зоны действия сети". Вне зоны. Вне действия. Вне сети. Вырвался.

Почему же я не позвонил тебе, Илья?.. Какой же я мудак, прости меня Господи!..»

* * *

Выходит, я уже все сказал. А он ответил. Он продолжает говорить со мной: его стихи в песнях по радио каждый день. Горят над нами, горят, бриллиантовые дороги. Чтобы идти по ним вслед за богами, нужны золотые ноги.

Все не просто так.

Нужны золотые ноги!

Там ведь тоже нужны ноги, чтобы ходить за богами и оставлять следы на бриллиантовых дорогах.

Выходит, что я спросил, а он ответил – еще раньше.

Поэтому я не стал ему звонить. Вместо этого я набрал другой номер.

* * *

2-11-36. Вообще-то у меня плохая память на цифры. Я не помню номера дома и квартиры по месту своей постоянной регистрации. Не помню госзнака своего автомобиля. Не запоминаю номера телефонов. Но этот номер я запомнил на всю жизнь.

2-11-36. Номер телефона в нашем доме. В Шали была небольшая телефонная станция. Пятизначных номеров хватало. У нас был телефон. Его номер был: 2-11-36. Я запомнил его. Теперь вы тоже запомнили.

Сейчас в нашем доме нет телефона. Уже давно нет, телефонную станцию взорвали – ни проводов, ни столбов не осталось. Это ничего. Теперь у всех сотовая связь. И все же я очень хочу, чтобы когданибудь у нас снова поставили стационарный телефон, протянули линию – из далёка, из прошлого, и обязательно восстановили номер: 2-11-36.

Этот номер я набирал после междугородних кодов на переговорном пункте около Дворцовой площади. Вечно голодный и мерзнущий студент. Пришедший пешком, ночью, от общежития на Петроградской стороне. Отстоявший очередь к кабинке. Чтобы набрать номер и услышать дом, родное, любовь.

Прошло почти двадцать лет, и я набрал этот номер снова. Для чего? Чтобы, как и тогда, услышать дом. Родное. Любовь. Набрал без кодов, просто пять цифр. Меня соединят правильно. Если сегодня действительно тот самый день.

* * *

И когда я услышал «алло» с той стороны, я

снова зарыдал. Тихо и без слез, просто онемело горло, и тряслись плечи. Как в тот вечер.

... Врач сказал, что у нее началась гангрена. Если ампутировать обе ноги... все равно, кровь заражена и... но, тогда, может, еще полгода...

– Мама, родная, любимая! Пожалуйста, соглашайся на операцию! Не уходи от нас! Мы же не сможем... я ... я не смогу жить, если ты... если тебя... мааааамааааа... – кричу я в трубку телефона.

За полторы тысячи километров, на том конце на заднем плане слышны сдавленные причитания сестры. И неожиданно холодное, спокойное:

– Сможешь. Ничего, все могут, и ты сможешь. А мне пора. И как я пришла в этот мир, с двумя ногами, так и уйду, вся, целая. Что же мне, по частям умирать – ноги в одном месте похоронят, а остальное все в другом? Как же потом меня собирать на Страшный Суд, по разным местам из земли выковыривать? Кто же это будет? Архангелы будут кости мои таскать?.. Нет. Сама встану, как была.

А дальше уже с раздражением:

– Хватит, я устала разговаривать.

Сегодня же такое еще молодое, дерзкое:

– Алло! Алло, кто это?

А на заднем плане фоном — гуси гогочут, играет магнитофон, и по двору метелка из прутьев: шарк, шарк, шарк. Я знаю, это мама стоит в белой зале, где телефон, у окна, а окно открыто; гуси в птичнике, и сестра метет под музыку: «Челенджэ постмэн, бринг ми э леттер...»

– Мама! Это я!.. Это я, знаешь... ту вазу разбил... Черт, да не разбивал я вазы, это маленький Володя Ульянов из книжки так сделал, а потом честно признался. А я не про вазу, но – что я тоже в чем-то важном тебя обманул.

В том, что ... стал взрослым? В том, что не спас тебя от смерти? И не умер вместе с тобой?

Я ведь ушел от тебя, я искал Бога и вечную жизнь – но для тебя, мама! Чтобы вечная жизнь. А ты думала, я предал тебя? Нет!

Но я не успел. Или не нашел. А все прошло, я стал взрослым. Ты думала: буду всегда твой, с тобой. А я обманул, вырос.

И в том, что не стал взрослым.

Так и не вырос.

А ты, мама, все правильно... гордо жила и умерла гордо. А я не могу... я вот так... тут... ты же видишь... и я тебе позвонил, потому что... для того, чтобы сказать, чтобы ты знала, что я... Мама, кто это?

– Не знаю, сына. Ничего не слышно. Шипение и треск, как будто очень издалека. Может, это тете Марии звонят, из Омска?..

